Галина Мелихова

Жид, или Кубанский псалом

Ефрем Амирамов

Избранные стихи

издательство М. и В. КОТЛЯРОВЫ

Нальчик 2020

ББК 83.3 (2Р-6КБ)
М47

Книга выходит в авторской редакции

Мелихова Г., Амирамов Е.

М47 Жид, или Кубанский псалом. Повесть / Г. Мелихова / Избранные стихи / Е. Амирамов. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2020. – 100 с.

ISBN 978-5-93681-188-3

В этой книге публикуется повесть Галины Мелиховой «Жид, или Кубанский псалом» и стихи певца и композитора Ефрема Амирамова. Галина и Ефрем – родные люди, но не это стало причиной объединения их творчества под одной обложкой, а тема, красной нитью проходящая через повесть и стихи: народов на Земле столько, сколько требует гармония миров. И никому не позволено разрушать ее. Примером этого святого постулата является судьба отца авторов книги – горского еврея Григория Тимофеевича Амирамова, организатора, балетмейстера и первого директора Карачаевского Государственного ансамбля песни и пляски, оставившего после войны сцену в знак траура по своей матери и семилетнему старшему сыну, казненных в Богдановке.

© Г. Мелихова, 2020
© Е. Амирамов, идея повести, 2020
© Е. Амирамов, 2020
© Издательство М. и В. Котляровых, 2020

Галина Мелихова

Жид, или Кубанский псалом

Повесть

Кто-то сказал, что солнце светит
для всех одинаково.
Какая ложь!
Разве мы не видим? Когда один
поднимает голову, чтобы умыть лицо в его лучах,
а другой, опустив голову, прячется в тень.

ПРОЛОГ

На земле несколько тысяч наций и народов. Больших и малых, молодых и старых. К одним из самых древних народов, живущих на нашей планете, можно с полной уверенностью отнести еврейский народ.

Из глубин древних цивилизаций смотрят на нас лица библейских пророков, царей и полководцев.

Доходят до нас голоса простых иудеев, прошедших через многочисленные испытания и, наконец, обретших Землю Обетованную. Жили, процветали и плодились сыны Израилевы, образовав свое государство – Иудейское царство. Богатства Иудейского царства привлекали завистливые взоры соседей. Множество сильных и могущественных врагов нападало на их земли. Особенно за добычей приходили ассирийские и вавилонские цари. Десятками и сотнями тысяч уводили они евреев в свои владения, превращая в рабов. Еврейское государство перестало существовать под ударами могущественной Римской империи.

Евреи были рассеяны. Они расселились по Ближнему Востоку, а затем в поисках лучшей доли они появились и в Европе и Азии, разделившись на две большие ветви: европейские евреи – ашкенази, и горские евреи.

Предположение о происхождении горских евреев гласит о том, что персидский царь Кир I из рода Ахеменидов в 538 г. до нашей эры завоевал Вавилон и освободил евреев, проживающих там на положении пленников.

Одни из них не вернулись в Израиль, а другие ушли за Киром в Персию, на территорию современного Ирана. Их движение продолжалось, и они пришли на территорию древнего Азербайджана (Албанию), где компактно и расселились. От Кубы, находящейся на территории Азербайджана, до Кубани компактно проживает еврейское население, сохранившее все обычаи и обряды иудаизма, о чем свидетельствуют синагоги, традиционные и погребальные обряды.

Часть из них говорила на фарсидском языке, но сохраняя при этом свою религию. Местное население называло их «татами», что означает на фарсидском «чужой».

Из территории Албании, вдоль торгового пути – Великий шелковый путь через Дербент – горские евреи прошли и расселились по всему Северному Кавказу. Самым северным поселением горских евреев считается город Нальчик. Однако встречались еврейские поселения в Краснодарском и Ставропольском краях.

Жившие на этих территориях бок о бок с другими нациями, народностями, не теряя своих корней, евреи испытали на себе все горести и радости жизни.

Их история непосредственно связана с жизнью окружающих народов и тех государств, на территории которых они проживали.

Глава I

Как красива Кубань летом: и сама река, и край, который она обнимает!

Пожалуй, ограничим свой восторг только этой фразой. Что бы мы ни говорили еще, ощущение недосказанности нас не оставит.

Мы. Это моя сестренка Галина, давно уже Мелихова – учитель; и я – Ефрем Амирамов – пятидесятилетний дядя, который считает себя свободным художником…

Эта маленькая справка необходима хотя бы для того, чтобы уважаемый читатель знал, кто именно отнимает его драгоценное время…

Рассказать Вам эту историю нас побудило только одно чувство – поделиться восторгом осознания абсолютной справедливости всего, что происходит с любым человеком в его жизни.

И мы верим, что наша повесть подарит веру в справедливость всем, потерявшим ее…

Итак…

Кубань собрала вокруг себя сотни станиц, которые стелились у ее вод, как влюбленные у ног плывущей красавицы…

Вокруг простор, покрытый золотой волной стеблей пшеницы.

За дальний горизонт уходит и приходит в ярких красках восходящее и заходящее солнце. Станица Богдановка, одна из обычных, но не маленьких казачьих станиц. Жили также среди казаков и еврейские семьи. Когда они пришли, сколько живут здесь, никто не помнил… и кому это интересно?

Так же уходили мужчины на службу царскую. Так же с русско-японской войны, кто вернулся, с крестами Георгиевскими.

И работы не боялись, и выпить-погулять умели.

И шалопутные, и пропойцы еспросветные, даже простые бандиты среди евреев также встречались.

Но что бы ни было, дружно жили люди на Кубани.

Глава II

У плетня, разделявшего два двора, стоит светло-русый паренек, наблюдая за соседним домом, ожидая, когда, наконец, появится его подружка. Светлые волосы его от солнца переливаются золотыми нитями.

Увидев из окна своего дома Степана, Эстер, выпалив на ходу родителям: «Пойду поиграю», побежала к двери.

– Сначала помоги маме по хозяйству, – тихо, но настойчиво остановил дочку Тимофей.

– Я уже помогла… Правда, мама? – обласкал колокольчиком всё и всех находящихся в доме невероятно звонкий голосок.

– Правда, доченька, – ласково ответила Рива, мать Эстер. – Но если хочешь побегать с друзьями, иди, погуляй… – И куда-то в никуда выдохнула: – А заботы не потеряются…

– Эстер! Эстер! Где же ты? – вновь слышится голос Степана.

– Этот лоботряс не дает ни тебе, ни нам покоя. И вообще, девочка не должна играть с мальчиком, – строго продолжал отец, глядя в изумрудные глаза своей дочери, в душе любуясь ею и понимая, что она еще ребенок.

Тимофей вышел на крыльцо своего дома и нарочито строго крикнул Степану:

– Чем стоять часами у этого плетня, лучше помог бы отцу по хозяйству, бездельник!

А Эстер, уже проскочив мимо отца и чмокнув его в щеку, крикнула на ходу:

– Папочка, я скоро, – и как будто выпорхнула из дома.

Она побежала к ожидавшему ее юному казаку, который уже летел ей навстречу.

– Ну, вернешься домой, я тебе покажу… – засмеялся Тимофей этой угрозой вслед своей ненаглядной доченьке.

Схватившись за руки, дети бежали в сторону родной речки Кубань. Черные локоны Эстер цеплялись за золотистый чуб Степана. Добежав до берега, где их ожидала ватага ребят, они с разбега бросились в искрящиеся воды Кубани.

– Эстер, давай наперегонки! – крикнул Степка.

Удовольствие и счастье были беспредельны. Они резвились, ныряли, плавали наперегонки. И только когда губы становились синими, зубы стучали от холода, зарывались в песок и согревались под ярким солнцем. Через полузакрытые глаза и дрожащие ресницы юный казак любовался еврейской девочкой. Ее черными, жгучими локонами, пересыпанными песком, и изумрудными глазами, которые отливали всеми цветами реки. Еще не ясные для него самого чувства тронули невинную душу Степана. И только много позже он понял их. Это была любовь.

Глава III

На полпути к реке, всего в половине версты от станицы, прямо в поле среди хлебов, рос истинный атаман местной флоры – огромный тутовник.

Где-то в нескольких шагах от ствола дерева, но всё равно под его кроной лежал огромный камень – валун с абсолютно плоской вершиной, на который не каждый мог взобраться. Нежно прикасаясь своими ветками, лаская своего друга, атаман шептал камню обо всем, что происходило в станице, защищая при этом его от моросившего дождя. Так они стояли рядом, словно уединяясь для секретной беседы.

Вечное молчание мудрого камня и неугомонная болтовня дерева сроднили их навечно.

Люди говорят… и говорят убежденно, что камень этот появился здесь не до, а после того, как выросло дерево. Важно это или нет, кто знает?

Но на всякий случай, кому интересно, может и сегодня лицезреть эту многовековую идиллию…

Но сейчас Степан и Эстер бежали к станичной детворе. Вечерами под деревом у камня их ждали друзья. Там они дарили свое детство друг другу, уходя в юность. Их самыми любимыми были ночные страшилки и смешные истории, которые они рассказывали друг другу. Самый интересный рассказчик был Стёпа.

Был тысяча девятьсот десятый год.

Эстер было одиннадцать лет, а Степану тринадцать.

Прошел еще год …

Всё очень просто…

Я сказал бы – крайне…

Одно движенье всем руководит…

А время, что?..

Да – так… – вода в стакане…

Как тронешь – движется…

Не трогаешь – стоит…

Глава IV

В один из дней, как обычно, прижавшись к плетню, Стёпка ждал Эстер, поглядывая в ее окно. Увидев и окликнув Хану, поинтересовался:

– Почему не видно Эстер?

– Батмицва у нее, – ответила та.

– А что это такое? – Степан удивленно смотрит на девушку.

– Ну, это такой день рождения, когда исполняется двенадцать лет еврейской девочке. Она становится взрослой и самостоятельной, отвечает за все свои поступки, должна знать тору, и даже может выйти замуж, – кокетливо ответила Хана.

«Замуж?!» – Молодой казак смотрит на нее, как бы пытаясь что-то понять.

Дружба Степана и Эстер вылилась во что-то родное, близкое, непонятное им обоим. Ему было уже четырнадцать лет.

«Может, я стану ее мужем», – эта фантастическая мысль пронзила его сознание. Он даже представить себе не мог, что

его обожаемая подружка с детства засватана за Беню, сына Ашера и Сары, который был старше Степана на 2 года.

На другой день, еле дождавшись утра, как обычно, с соседнего двора доносится крик:

– Эстер! Ты где? Мы тебя ждем, – кричал юноша. Ему не терпелось скорей встретиться с ней.

– Когда, наконец, этот чубатый баламут оставит нас в покое? – вновь проворчала Рива, мать Эстер.

Наконец появилась именинница.

Она резко изменилась: в одежде, в разговоре, манерах. Необыкновенно красивые глаза смотрели лукаво-нежным взглядом. Стёпка не мог оторвать глаз от Эстер. Вместо локонов, которые еще вчера беспорядочно были разбросаны по плечам, появилась одна толстая коса, перекинутая вперед на маленькую, но уже слегка появившуюся грудь. Его сердце забилось сильнее обычного. Это же его красавица Эстер.

– Ого! Какая ты красивая! Ну и коса у тебя! – произнес восхищенно Стёпка, прикоснувшись ласково к волосам подружки. Девочка смутилась. Яркая краска появилась на ее лице.

– Пошли к нашему камню, я расскажу всем смешную историю, – радостно произнес казак.

Ждавшие их ребята гурьбой двинулись за ними. Юноша, как обычно, хотел взять Эстер за руку, но она осторожно высвободила ее.

Неожиданно для всех вместо той, суетливой, озорной, девочки перед ребятами стояла милая, рассудительная принцесса…

А жизнь продолжалась. Прошло еще три незаметных года.

Глава V

Однажды Ашер, наблюдая за малышами, игравшими во дворе, решил: «Надо женить сына и обзавестись внуками. Уже Бене пора иметь семью. Эстер повзрослела и стала настоящею невестой». Эта мысль не давала ему покоя.

– Собирайся, Сара, пойдем поговорим с Тимофеем и Ривой, – обратился он однажды к жене.

– Пойдем, дорогой, я сама об этом думаю, – ласково мужу ответила Сара.

Одевшись празднично, они пошли в дом к будущей невесте.

– Рива, к нам гости, скорей накрывай на стол, – радостно говорит Тимофей жене, увидев уважаемых им людей.

– Погоди, Тимофей. Вначале надо поговорить, а за столом мы еще насидимся, у нас для этого будет еще много времени, – ответил гость.

Хозяева догадывались, с чем к ним пожаловали. Усадив дорогих гостей и усевшись рядом, завели с ними теплую беседу.

– Мы пришли поговорить и назначить день обручения Бени и Эстер. Она с детства уже наша, но мы хотим сделать все, как положено по закону традиций. Самое хорошее время поженить наших детей и окружить себя внуками.

– Как вы на это смотрите? – спросил Ашер, зная, что родителям Эстер по душе то, о чем говорит он.

Тимофей задумался. Он знал, что Эстер не готова еще быть женой, но ее дружба со Степаном тоже ни к чему хорошему не приведет. Уж больно они увлечены друг другом. Надо поскорей это прекратить, пока не поздно. Наконец он решительно произнес:

– Считаю, что ты абсолютно прав, Ашер, – ответил он, посмотрев внимательно на жену. Рива в душе понимала мужа и дала это понять ему своим одобрительным взглядом и кивком головы.

Судьба Эстер была решена без нее. Рива и Сара молча улыбались, заранее зная, что с божьей помощью все будет хорошо.

– Рива, позови, дорогая, нашу невесту, нашу доченьку. Мы хотим обнять ее, – радостно говорит гостья.

Эстер вошла в комнату, где сидели гости. Все присутствующие залюбовались ею. Приветливо поздоровавшись, она присела рядом с матерью.

– Подойди, я поцелую тебя, моя красавица, моя доченька, – произнесла будущая свекровь. Ее слова показались странными девушке, однако она подошла к гостье. Сара, взяв за плечи девушку, внимательно посмотрела в ее глаза и крепко прижала к сердцу.

– Ты наша красавица, наше солнышко, – радостно залепетала Сара, все еще любуясь невестой.

Проводив гостей, родители решили поговорить с дочерью.

– Доченька, – осторожно начал беседу Тимофей. – Родители Бени приходили договориться о дне вашего обручения. И мы с мамой согласились, ведь вы с Беней обручены с самого детства, хотя редко и общались. Он очень хороший парень и будет тебе прекрасным мужем.

Наконец Эстер поняла, к чему все эти церемонии.

– Я не хочу замуж! – взволнованно проговорила Эстер, яркая краска покрыла ее лицо, голос задрожал, и глаза наполнились слезами. Взгляд блуждал между отцом и матерью и, не увидев в их глазах сочувствия и понимания, она стремительно выбежала из дома.

Поймав взгляд дочери, Тимофей и Рива понимали, что идут против ее воли. Зная, что у Эстер со Степаном теплая дружба, все равно никогда не допустили бы, чтоб их дочь вышла замуж за казака. Родители волновались за дочь, но где-то в глубине души были довольны, что наступает день обручения именно с Беней. Но при одной только мысли, что любимой дочери, его «солнышка» не будет рядом, разрывалось сердце Тимофея на части.

Рива вышла вслед за дочерью. Девочка сидела на крыльце, прижавшись к перилам. Не отрывая глаз, смотрела она на плетень, за которым ее ежедневно ожидал Стёпа, верный и преданный друг.

– Прости, Стёпа! – еле слышно произнесла Эстер, смотря на плетень, где перед ней возник образ юноши.

«Неужели кончилось счастливое детство? Неужели они больше не будут бегать вместе к любимому дереву и заветному камню, у которого она со Степаном и ребятами проводили веселые и радостные вечера?» – мелькнуло в мыслях девушки.

Присев рядом с дочерью, обняв ее, Рива стала объяснять дочери:

– Доченька, пойми, надо мириться с нашими обычаями и традициями. Ничего не поделаешь. Я тоже когда-то, как и ты, не хотела выходить за твоего отца, но оказалась самой счастливой.

– Но я не буду счастливой, – сквозь слезы проговорила Эстер.

Наконец наступил день обручения. Беня надевает кольцо на палец невесты, впервые вблизи взглянув на будущую жену, которая смотрела куда-то в одну точку отрешенным взглядом.

Мысли Эстер были далеки. А Беня любовался будущей женой и думал о том, как он счастлив.

Глава VI

Красивый крепкий парень с золотистым чубом набекрень с любопытством наблюдал за соседским двором, прислонившись всем телом к тому же плетню. Непонятное волнение было на душе молодого казака.

«Почему Эстер не выходит во двор, как всегда? – думал он. – Что за гости, что за суета в ее доме?»

Не выдержав, он закричал:

– Эстер!

В ожидании прошло еще немало времени. Из дома вышла Хана и, опустив голову, подошла к Степану.

– Хана, почему не видно Эстер, где она? Что за люди в ее доме? – возмущенно спросил казак.

Немного помолчав, зная, как Степану будет это тяжело слышать, тихо произнесла:

– Не зови ее, не надо.

– Почему? – продолжал удивляться Степан.

– У нее обручение с Беней.

– Как с Беней? Что ты сказала, повтори. Я ничего не понял, – вновь растеряно говорит юноша.

Хана нехотя повторила:

– Эстер выходит замуж за Беню.

Какое-то мгновение ничего не понимая, Степан жил призрачной прежней жизнью, но видение быстро исчезло. И он стал понимать, что все-таки произошло.

«Что это? Его дорогая девушка выходит замуж, и рядом с ней будет не он, а кто-то другой», – пронеслось в мыслях парня.

«Как, Эстер, я буду жить без тебя?» – вновь промелькнуло в голове юноши.

«Эстер!!!» – кричит все существо Степана, но уста его остались немы, мысленно он произнес имя любимой. Казалось, что этот крик услышала вся станица и весь мир.

Выйдя со двора, юноша побрел по улице. Придя к заветному камню, который напоминал Степану о тех счастливых днях, которые он проводил здесь с любимой, рассказывая ей разные истории, лишь бы развеселить ее.

Упав ничком, закрыв лицо руками, юноша зарыдал. Ведь он любил впервые в жизни с самого детства только ее, Эстер. Всем сердцем, не раскрывая ей своей тайны, о которой она догадывалась и была счастлива.

«Почему она скрыла свое замужество, почему? Еврей отнял ее у меня». Эта жгучая обида застряла комом в горле и каменное слово «жид!!!» бешено вырвалось наружу.

Так пролежал молодой казак неизвестно сколько, глубоко затаив месть и злобу на всех, кто окружал его.

А время приближалось к свадьбе. Плетень, прижавшись к которому раньше стоял казак, стал грустным и одиноким. Только из окон скрыто, по-воровски наблюдали друг за другом грустным взглядом еврейские глаза и молодой казак. Их сердца волновались, как и раньше, чего-то ожидая…

Глава VII

В один из дней Афанасий, отец Степана, придя домой, тихо сказал:

– Дарья, Тимофей с Ривой пригласили нас на свадьбу дочери.

– Господи, что будет, ведь сын все страдает? – взволновалась мать юноши.

– Ничего не поделаешь, видно, не судьба быть им вместе, – решил успокоить жену Афанасий.

– Думаю, со временем все пройдет, – успокаивала себя Дарья.

Казаки и евреи пили за здоровье молодых и друг за друга. Веселье было на всю станицу. Были проведены обряды «хупа» и «кидушин», согласно требованиям еврейского закона. Жених и невеста под свадебным балдахином. Словно под небесами проходит их коронация, и вся жизнь этой пары посвящена созданию семьи. «Хупа», поддерживаемая шестами, открыта со всех сторон. С этого момента рождается новая семья, которая продолжает не только свой род, но и род Моисея.

Наконец молодых оставили одних.

– Эстер! – произнес с волнением Беня, слегка прикоснувшись к невесте. Но она отшатнулась от него, словно дикарка.

Страх и волнение одолевали девушку, глаза наполнились слезами. Погрузившись в свои мысли, в свою затаенную мечту, она думала о том, с кем росла, дружила, с кем мечтала о будущем.

«Что будет с ним? Где он сейчас? Неужели все кончилось?» – было в мыслях юной красавицы.

А жених с нежностью, наблюдая за невестой, понимая ее состояние. Он знал о дружбе Степана и Эстер, но не думал, насколько они были дороги друг другу.

Беня был хорошим, воспитанным парнем, высокого роста с красивыми чертами лица. Ему было около 19 лет. Осторожно подойдя к жене, прошептал:

– Эстер, дорогая, все будет хорошо. Я тебе обещаю, – и, протянув ей свою руку, приблизился к ней. Девушка понимала,

что закон еврейских традиций изменить нельзя, ибо это один из заветов.

Робко подала жениху свою руку верности и девичью честь. В тот вечер молодая пара поняла, что в их жизни произошла перемена. Новое ощущение пылающего тела, который разжег маленький огонек в тлеющем сердце Эстер. Они стали мужем и женой.

Глава VIII

Степан ушел далеко в степь в день свадьбы любимой, чтобы ничто не напоминало ему о прошлом. Он ненавидел весь мир. У него отняли то, чем он жил, чем дорожил больше всего на свете.

«Эх ты, Эстер! Как могла ты так жестоко поступить со мной. Сегодня тоска и печаль вновь овладели мною. Как, любимая моя, избавиться мне от боли? Я не знал, что однажды потеряю тебя», – думал юноша. Но понимал, что не по своей воле Эстер стала чужой женой.

Гнев и обида не давали ему покоя.

Глава IX

В семье мужа все любили Эстер. Однако часто можно было видеть ее задумчивой. В ее мыслях появлялся образ юноши, с которым прошло все ее счастливое детство.

Родители часто навещали дочь. У Эстер был хороший муж, который любил ее и баловал, как ребенка. Беня сильно полюбил жену и благодарил Бога за счастье, которое было дано ему.

– Беня, я хочу тебе что-то сказать, – как-то говорит Эстер мужу.

– Что, дорогая, ты хочешь сказать? – удивленно произнес Беня.

– Ты скоро станешь отцом, – скромно произнесла Эстер.

– Что? – не поверил он своим ушам. – Повтори, что ты сказала? – растерянно переспросил будущий отец.

Смутившись, молча, она взглянула на мужа.

И не дождавшись ответа, схватив жену на руки, счастливый Беня закружил ее по всей комнате.

– Господи, благодарю тебя, – подняв руки к небу, восторженно произнес Беня.

– Что за шум, что случилось? – забеспокоившись, вбежавшая в комнату Сара.

– Ты скоро будешь бабушкой, вот что случилось! – подбежав к матери и крепко обняв ее, весело крикнул Беня.

– Ай, что за радость, нужно срочно сообщить Тимофею и Риве, вот обрадуются, – сказала Сара и помчалась с радостной вестью к родственникам. Услышав радостную весть, родители Эстер уже решили готовить детское приданое, по еврейским обычаям, еще не родившемуся ребенку.

Глава X

Беня был хорошим сапожником и обувал почти всю станицу. Шил обувь и давал на продажу.

Часто станичники в воскресный день наблюдали, как молодая пара прохаживалась между лавками, где продавались красивые вещи и украшения. Однажды свидетелем этого стал сам Степан, который выбирал седло для коня. В шумной толпе, ощутив на себе взгляд, он обернулся и увидел знакомые глаза, которые смотрели на него в упор, не отрываясь.

Сердце казака защемило. Он не мог оторвать взгляд от той, которая занимала его сердце и мысли. Муж на плечи жене накинул огромную кашемировую шаль. Ее щеки, разрумянившись от волнения, слились с яркими цветами на шали. Никого и ничего не замечая, Эстер не отрывала взгляда от того, о ком часто думала.

«Как живешь, Стёпа?» – спросила она проходящего мимо друга. Сердце парня забилось сильнее. Растерявшись, ничего не ответив, он молча ушел…

Эстер, вернувшись домой, сидела, задумавшись, отвечая невпопад. Не могла забыть она Степана.

Глава XI

Время шло, и жизнь продолжалась. В спальне Эстер и Бени суета.

Здесь Эстер рожает. За дверью ожидают и волнуются молодой отец и родители. Услышав детский плач, поняли, что уже появился ребенок. Открылась дверь. Рива, задыхаясь от счастья, почти криком произносит:

– Беня, дорогой, у тебя сын, а у нас внук, внук!

Все бросились обнимать и поздравлять друг друга.

Тимофей со слезами счастья, подняв руки к небу, произнес:

– Благодарю тебя, Владыка живой и вечный, за то, что ты по милости своей дал нам внука. Велика моя вера в тебя.

– Мой мальчик, – любуется сыном юная мама, обнимая малыша, уже завернутого в пеленки акушеркой, которую привели для родов.

– Спасибо за сына. Как ты себя чувствуешь? – говорит Беня волнуясь, войдя в спальню и присев на краешек кровати, не спуская влюбленных глаз с жены и сына.

– Дай, я подержу его. – Беня с нетерпением берет малыша на руки.

– Назовем его Яков, в честь моего деда, – говорит счастливый папа.

– Хорошо, пусть так и будет, правда, Яшенька? – взглянув на сына, находившегося на руках отца, ответила молодая мама, еще очень слабая после родов.

На восьмой день, по обычаям евреев, сделали малышу обрезание. Сара повесила на шею младенца шестиконечную золотую звезду на кожаном ремешке.

– Этот могендовит, Яшенька, будет оберегать и хранить тебя, – поцеловав внука, сказала бабушка.

Этот ребенок с первых же дней был окружен заботой и вниманием.

Глава XII

Над миром шли грозы Первой мировой войны.

Позднее Россию сотрясли две революции. В феврале 1917 года свергли царя. В октябре того же года к власти пришли большевики.

Под этими ударами Россия раскололась на красных и белых, которые ради идеи с удвоенной силой начали уничтожать друг друга.

Как и по всей России, жестокое противостояние белых и красных было и на Северном Кавказе, Кубани и Дону.

Катастрофа продолжалась дальше. Поражение на фронте, разруха, полное разорение и запустение многих крестьянских хозяйств требовали ответа: «Почему?».

Появившиеся ниоткуда агитаторы помогли найти виновных.

«Иноверцы среди нас», – заводили они людей.

По Кубани прокатилась волна погромов, и эта страшная волна накрыла станицу.

Сами же казаки пытались остановить озверевшие группы, заведенные провокаторами, видя, как они идут по домам и дворам евреев и громят все на своем пути.

В звериной жестокости они не щадили ни беспомощных стариков, ни беззащитных женщин и ни в чем не винных детей.

Афанасий, пытаясь остановить пьяных погромщиков, перекрыв им дорогу, закричал:

– Что вы творите, глупцы!

– Пошел вон, а не то с тобой тоже расправимся, защитник нашелся, – отшвырнув казака, погромщики, продолжая крыть его матом, ринулись дальше по станице.

Глава XIII

Был шабат. Сара с невесткой готовились к вечерней трапезе. Тимофей с Ривой пришли на шабат к дочке и повидать любимого внука.

– Яшенька, а ну улыбнись, – умилялись любящие его больше жизни.

– А ну, Яшенька, посмотри на мамочку, – радостно заигрывала с сыном Эстер, демонстрируя, что может сынок.

Сильный удар в ворота удивил домочадцев. Услышав шум, Ашер открыл дверь, чтобы понять, что происходит. Увидев людей, с шумом входящих во двор через выбитые ворота, растеряно спросил:

– Что случилось?

– Еще и спрашивает, жид, – сказал со злостью один из нападающих и ударил Ашера железным прутом по голове. Ашер упал у крыльца. Кровь полилась с головы. Удар был роковым.

Тимофей и Беня кинулись защищать женщин и детей.

– Быстрей убегайте с детьми! – крикнул Тимофей женщинам.

Но раздался крик, детский плач. Перепуганные женщины и дети не знали, как выбежать из дома. Они были окружены.

– Эстер, беги через окно спальни, спасай сына! – крикнул Беня жене на еврейском языке.

Пятясь спиной, выскочив через окно спальни на задворки, прижав к груди ребенка, Эстер бросилась бежать. Глаза молодой женщины были наполнены ужасом от происходящего.

Глава XIV

«Только б спасти сына», – с этой мыслью она бежала в одних носочках только ей известными тропинками, подальше от людей, от дома.

Ничего и никого не замечая, со страхом в глазах, она пробежала мимо Степана и его дружка Егора.

Держа лошадей за повод, пьяные, они бурно обсуждали происходящие события. Увидев Эстер с ребенком на руках, Егор ехидно проговорил:

– Смотри, Стёпка, вон бежит та, по которой ты сохнешь по сегодняшний день. Иди, наконец, попробуй, успокоишься. Сейчас все сойдет, война все спишет.

– Да она уже далеко, – процедил сквозь зубы Степан.

– Если мужик, догонишь, – продолжал заводить Егор Степана.

В пьяной душе Степана всколыхнулось что-то низменное и страшное.

– Эх! – прокричал казак, вскочив на лошадь.

Услышав стук копыт, Эстер поняла, что кто-то гонится за ней.

«Лишь бы спасти Яшеньку!» – не покидала мысль сознание матери.

Наконец, увидев заветный камень, мать спрятала за ним спящего ребенка и побежала дальше.

«Господи! Сохрани и спаси моего сына!» – просила она Всевышнего, убегая дальше.

Почти рядом, за спиной, услышав стук копыт, перепуганная женщина, обернувшись, увидела Степана. Оцепенев от неожиданности, раскрыв широко глаза и не веря в то, что видит, Эстер резко остановилась, смотря прямо в знакомые черты.

«Неужели Степа?» – мелькнуло в голове молодой женщины.

– Отойди, Эстер, уйди! – протрезвев от испуга, заорал не своим голосом Степан.

Но лошадь, встав на дыбы, ударом копыта сбила с ног молодую женщину. Соскочив с коня, он рванулся к той, из-за безумной любви к которой сам не понимал, что творит. В судорогах, что-то невнятно шепча, Эстер смотрела на Степана недоумевающим взглядом. Схватившись руками за голову, он упал перед любимой на колени. Обняв родную голову, истекающую кровью, стал дико кричать и звать на помощь.

– Что я натворил? Родная! Прости! Прости! Помогите! – кричал казак. Эстер смотрела на Степана, не отводя глаз в сторону. Она все никак не могла понять, что ее убийца – ее Стёпа.

Подъехавший вальяжно Егор слез с коня и подошел ближе.

– Ну и как, успокоился? – с ухмылкой спросил он, но никак не ожидая того, что увидел. Эстер в судорогах и стонах лежала перед Степаном.

– Ну, ты даешь, Стёпка! Да заруби, чтоб не мучилась, видишь, умирает, жалко ведь, – продолжал Егор.

– Уйди, паскуда, зарублю, – не выдержав подлых советов провокатора, злобно прошипел казак и сжал шашку в руке.

Но Егор не двигался и продолжал:

– Да брось. Ведь дело говорю.

В бешенстве он ударил шашкой Егора по лицу, заорав хриплым голосом:

– Пошел вон, вон!!!

Дико заорав от боли, схватившись за щеку, Егор вскочил на коня, крикнув на ходу:

– Отомщу, гад!

Глава XV

Степан вновь опустился перед любимой на колени.

– Сы-нок… – прошептала Эстер по слогам, еле выдавив из себя, посмотрев в сторону дороги, не поворачивая головы, и вновь посмотрела Степану прямо в глаза. Взгляд этот остановился на нем навсегда.

– Эстер! Очнись! Не умирай! – кричал молодой казак и стал трясти безжизненное тело. – Господи! Делай с моей жизнью все что хочешь, но не забирай ее, забери меня, – просил Всевышнего обезумевший. – Любимая моя, очнись, живи, – запоздало взмолился казак. – Что я сделал? Что я натворил? Прости! – схватившись за голову, продолжал выть виновник. И как раньше, когда-то, но уже в отчаянии он безумно заорал: – Эстер!!!

Но на этот раз до Эстер не дошел крик страдальца. Но слышали этот крик вся Богдановка, Земля и Небеса.

Онемев, смотрел он на свою ушедшую любовь, о которой мечтал всю жизнь.

«Сейчас она рядом со мной, но я не слышу ее, и она не слышит и не видит меня», – думал он.

Глаза, эти глаза, которыми любовался молодой казак когда-то, покинула жизнь. Разве может он забыть этот ее последний взгляд.

– Прощай, жизнь моя, – прошептал Степан, закрыв навсегда глаза любимой.

Поправив рванную одежду на ее теле, Степан снял рубаху, покрыл ею ту, которую любил больше всего на свете. Взяв безжизненное тело на руки и прижав к груди, о чем мечтал всю свою жизнь, казак пошел в никуда, не разбирая дороги.

Дорога вела мимо того камня, где они мечтали о будущем. Не отрывая Эстер от груди, он присел на ту самую лавочку под деревом, где когда-то они с ребятами развлекали друг друга. Наконец положив родное тело на землю, Степан опустился перед ним на колени. Перед взором Степана промелькнули картины прошлого, вернуть которое было невозможно. Из оцепенения его вывело хныканье и плач ребенка, жизнь которого мать оставила на попечение Богу, Камню и Дереву. Подойдя ближе, казак увидел малыша под ветками знакомого дерева, которые раскачивались над ним.

Глава XVI

«Вот что хотела сказать Эстер», – догадался казак. Взяв малыша на руки, внимательно всмотревшись в его личико, Степан крепко прижал ребенка к груди, как до этого прижимала его мать. Неизвестно, сколько просидел он рядом с телом любимой и ребенком, который наблюдал любопытно за листьями над головой, которые размахивали над ним, словно опахало.

«Не беспокойся, я его в обиду не дам. Твой сын будет моим. Прощай любимая и прости», – обратился виновник к матери

малыша, которая нашла покой под маленьким холмиком у дерева, которое тут же прикрыло его своими ветками, оберегая от безумного мира.

С ребенком на руках Степан побрел домой.

– Чей это ребенок? – поинтересовались Афанасий и Дарья.

– Мой, только мой, – гордо произнес молодой казак.

Мать Степана взяла ребенка из рук сына, запричитала, догадываясь, чей он и что причиной сиротства малыша был ее сын.

Спустя много лет Степан признался матери и отцу о том, что совершил по глупости то, что не мог простить себе до конца жизни.

«Частица Эстер всегда со мной», – успокаивал себя Степан. Взяв ребенка на руки, произнес:

– Назову тебя Сёмой.

Так еврейский ребенок Яша, стал казачьим сыном Семёном.

Глава XVII

Видя, что происходит с соседом и вокруг, Афанасий прибежал к еврею Суруилю, который жил на окраине станицы. Суруиль был уважаем всеми. Небольшого роста, с казачьими усами, закрученными вверх, волевой и смелый. Он еще не оправился от ран, полученных на полях сражения в бою. Суруиль лежал в постели, когда Афанасий, задыхаясь, вбежал в дом.

– Евреев бьют! – кричал Афанасий.

– Кто? За что? – привстав с кровати, взволновался Суруиль.

– А кто знает? Приехали незнакомцы, сказали что-то и пошло… – ответил Афанасий.

Суруиль посмотрел на жену в упор, со злостью.

– Не хотела расстраивать тебя, ты же болен, раны еще не зажили, – ответила казачка, жена Суруиля.

В бешенстве вскочил с кровати солдат царской армии, имеющий два Георгиевских креста за героизм и совершенные им подвиги. Воевал в Русско-Японскую войну в 1905 году. Участвовал в Первой мировой войне. Уже потом, во время

гражданской войны был сотником у Кочубея. Курил свой самосад. Сам сажал и собирал «махру».

На ходу, босиком, в рубахе, в которой лежал, взяв шашку в руки, выбежал на улицу.

– Звери, – со злостью произнес Суруиль.

– Сотня за мной! – прокричал во весь голос командир неизвестно кому, выйдя на дорогу. В душе была боль и обида за безвинных евреев, которых били ни за что.

То слева, то справа, то неизвестно откуда стали примыкать к нему соратники-казаки с шашками и нагайками в руках.

Подбежав к толпе, он увидел лежащих в крови то избитых, то стонущих, то уже не подающих признаков жизни людей. Суруиль смотрел выпученными, налитыми кровью глазами, как зверь. Его усы подергивались от нервного тика.

Посмотрев со злостью и обидой на окруживших его казаков, заорал:

– Где они? Кто сделал это? Звери! Зарублю, вашу мать! За что?

Все оглянулись. Но те, кто подстрекал их, давно скрылись, их нет. Есть только те, кто бил и убивал, не щадя даже детей, и их жертвы, лежащие в собственной крови.

Кровавая пелена спала. Каждый понял, что натворил. Те, кто по воле судьбы стали палачами, отрезвев, стояли, опустив голову и не понимая сами, что творили.

Даже ни в чем не виновные казаки замерли в ужасе. Им было стыдно за палачей, которые жили среди них.

– Палачи не только те, кто убивают, но и те, кто призывает к этому. Руки в крови и у них, и у тех, кто сделал это. Да и с кого спрашивать, если люди живут не своим умом, – проговорил Суруиль и медленно побрел домой с полными глазами слез, взглянув с благодарностью на Афанасия.

Глава XVIII

Восемнадцатый год пронесся над Россией. Оставив Семёна родителям, Степан пошел добровольцем на фронт, совсем еще юным.

Центральный Комитет партии, когда Республика справилась с мятежами, отправила наиболее стойких коммунаров в армию. Отвага и доблесть стали обязанностью каждого.

Степан был одним из самых молодых командиров. Он стал комиссаром. Приезжая домой к родителям, все свое время он уделял подрастающему сынишке. Учил его «мужским занятиям».

Очень скоро Сёма стал лучшим наездником в станице. А иногда «батя» давал пострелять из нагана или рубать шашкой лопухи и подсолнухи.

В летние дни Степан брал сына на реку. После купания, отдыхая на берегу, встречаясь с взглядом сынишки, погружался в прекрасное недосягаемое прошлое.

Иногда «отец» водил сына к камню и дереву, где просиживал часами, пока ребенок играл у маленького холмика. Затем проводил ночь, погруженный во множество мрачных и горьких размышлений.

Он больше не испытывал ни ревности, ни зла, ни ненависти, ни волнения. Самогоном заливал прошлое, оставаясь до конца своих дней в мыслях и душе рядом со своей любовью. Иной раз, во сне, вскрикивал: «Эстер, прости!»

Маленький Сёмочка брал кружку с водой, подносил Степану и, гладя его по голове, произносил: «Не бойся, батя, я с тобой», не понимая, к кому с тревогой обращается батя во сне.

В школе мальчик учился хорошо, был дисциплинированным, примерным, но в то же время настойчивым и добивался желаемого. Время шло. Наступил 1928 год, год коллективизации. Степан становится командиром ЧОНа (отряд чрезвычайного назначения). Он мотался по всей Кубани, громя

кулаков и контру, иногда брал с собой мальчика. «Смотри и учись», – говорил Степан.

С детских лет, видя перед глазами пример самого «отца», Сёма воспринимает это как пример для подражания.

Как-то во время игр на улице Сеёму кто-то из ребят назвал «жиденок». В крови и слезах, со злостью, отбивался он от троих казаков. Проходящий мимо мужчина, остановив драку, поинтересовался:

– Кто же такой герой?

Шрам незнакомца проходил через всю щеку. Меченный Степаном Егор вернулся после длительного отсутствия.

– Да это сын Степана «найденыш», – чуть не хором ответили ребята.

Со дня погрома Егор уехал в город к родственникам, опасаясь мести. Он слышал, что Степан усыновил мальчика. В разорванной в драке рубахе на солнце блеснула шестиконечная звездочка. И он все понял – кто это и чей это сын.

Проступившие черты той, которую они со Степаном лишили жизни, и которая приходила к нему и Степану в мучительных снах и кошмарах.

– Дурак Степка. Жиденок узнает, не простит! – плюнув, пробурчал Егор и быстро зашагал прочь.

В синяках и ссадинах, в разорванной рубахе Сёмка залетел в избу и со злостью закричал, грозя кулаками в окно:

– Я вам покажу!

Размазывая по щекам слезы, он подошел к Степану и требовательно спросил:

– Батя, за что они так? Издеваются над тем, что у меня на шее, а у них на шее – другое, почему?

Степан ласково обнял «сына» за плечи, заглянул в его зеленые глаза, безумно похожие на глаза единственной любимой, и сказал:

– Вырастешь и все поймешь. А поняв – простишь. А сейчас давай пока снимем эту звезду, чтоб никто, никогда не мог тебя обидеть.

Степан осторожно снял с шеи «сына» шнурок с золотой шестиконечной звездой, открыл ладонь Сёме, положив в нее таинственную звезду, сказал:

– Береги ее как зеницу ока. Это твоя судьба.

Мальчик спрятал самую большую драгоценность и тайну.

В течение многих лет он часто доставал свою коробочку и внимательно рассматривал свое сокровище.

Личная жизнь Степана так и не сложилась. Робкие попытки матери завести разговор о женитьбе терпели неудачу. Сын отшучивался или отмахивался рукой, резко бросая:

– Не время.

– Сынок, мы не вечны. Ты в разъездах. А мальчику нужна забота, хотя бы мачехи.

– Да зачем ему мачеха? Ему и так хорошо, – отвечал Степан.

Однако до станицы доходили слухи о его похождениях и победах на «любовном фронте». Степан так и оставался одиноким, так как ни в одной из своих женщин он не мог найти то, что потерял навеки вместе с первой любовью.

Однажды в Богдановку пришел табор.

– Цыгане здесь, Сёмка, выходи скорей! – кричали пацаны с улицы. Сёма выбежал, подтягивая на ходу штаны.

Представление удалось на славу. Цыгане из табора исполняли цыганские песни и танцы. Водили медведя. Старый цыган играл на скрипке и гитаре, зажигая весельем всех собравшихся. Но громче всех смеялся и бил в ладоши Сёма. Видя искорку в глазах мальчика, старый цыган протянул ему скрипку:

– На, попробуй.

С памятью предков мальчик берет смычок и опускает на струны.

Радостно поводив смычком по струнам, загорелся мечтой играть на скрипке.

– Спасибо, я тоже буду играть на скрипке, как Вы, – произнес Сёма, передавая скрипку цыгану.

Сёма играл на дудочке, ручной гармошке, барабане, сделанных дедом Афанасием. Афанасий, чувствуя вину за сына перед маленьким Сёмой, старался сделать все, чтобы мальчику жилось хорошо.

Глава XIX

«Я вижу, тебе хочется играть на скрипке сынок, – как-то сказал Степан будущему музыканту, протягивая ему скрипку. – Ты будешь учиться у Давида. Он лучший учитель музыки».

А где он достал эту скрипку, осталось тайной.

Иногда, устав от «работы», Степан приезжал домой, измотанный и опустошенный, расслабившись в беспробудном пьянстве, приходил в себя, когда маленький Сёма, взяв скрипку и смычок, наигрывал незатейливые песенки и мелодии.

Когда мальчик проводил смычком по струнам, дрожь проходила по телу и душе Степана.

Он вспоминал игру отца Эстер. Видно, любовь к музыке Семёну передалась от деда Тимофея, который своей игрой умел выбить и слезу грусти, и слезу радости, виртуозно играя на скрипке. Чувства по-разному отражались на лицах людей.

Восхищенный видениями прошлого, затаив дыхание, Степан впитывал в себя мелодию судьбы прошлых лет.

Однако главным в воспитании Сёмы была военная дисциплина. Мальчик испытывал потребность в материнской ласке. Как ни старался Степан, но удовлетворить эту потребность ребенка не мог.

Иногда Сёма чувствовал на себе внимательный взгляд «бати». Скрытые в тени глаза пытливо следили за его лицом, которое как две капли воды было схоже с лицом Эстер. Он видел все больше проступившие черты любимой. Ничего не зная о своей матери, Сёма иногда спрашивал у «отца»: «Кто моя мама?», «Где она?».

Степан, затаив глубоко внутри себя ответ на этот вопрос, который самому ему не давал покоя, лишая его сна, будоражил ночными кошмарами. А Сёма чувствовал, что Эстер, которую зовет его батя, и есть его мама.

Как-то после очередной схватки с врагами народа «кулаками» Степан приехал в станицу. Почувствовав недомогание,

слег и уже не поднялся. Ожидая приближение конца, подозвал к постели Семёна и запекшимися от горячки губами прошептал:

– Сынок, я расскажу тебе о твоей матери.

– О чем ты, батя? Это потом, когда поправишься, – взволнованно проговорил Сёма, думая, что тот бредит.

Отец и мать Степана сидели рядом у кровати больного.

– Нет, ты должен все знать, – еле прошептал отец сыну. Еле дыша, он рассказал все… О жизни, о происхождении Семёна, о любви, рождении жестокости, которую испытал он к матери мальчика. О камне, у которого он подобрал Сёму, и о холмике, где он похоронил свою единственную любовь и где не раз просиживал часами вместе с «сыном». Это трудное решение – открыть тайну Семёну – Степан принял перед уходом из жизни.

– Зачем, зачем ты мучаешь себя и Сёму? – со слезами произнесла его мать, которая помогла сыну вырастить из маленького ребенка крепкого и здорового юношу, которого любила, как родного внука. Афанасий, отец Степана, молча, опустив голову, стоял рядом.

Раньше Степан убил бы каждого, кто попытался сказать Сёме обо всем, что произошло с его матерью и его родственниками.

Еще раз напомнил место, рядом с камнем, где он втайне от всех похоронил свою единственную любовь. Это был неприметный холмик, над которым низко склонялись ветви могучего дерева, заслоняя его от яркого летнего солнца и осенних проливных дождей. Где листья под дуновением ветра что-то нашептывали, рассказывали о сыне покоящейся рядом Эстер. Сама ее душа присутствовала в этом месте. Ведь с самого детства она здесь, и даже тогда, когда была жива. И поэтому это место было таким важным для Степана. Здесь покоилась его любимая.

В смертной агонии Степан закрыл глаза. Веки его вздрагивали, словно ощущая странное сияние какого-то нового неведомого мира.

Образ Эстер заполнил всю его душу. Ее образ позвал его, и сердце Степана рванулось навстречу этому призыву.

В единый миг открылись перед ним врата всех путей заблуждения. Душа его замерла перед новым миром, туманным, неясным, словно мир подводных глубин, где двигались смутные существа и тени.

– Сынок, не покидай нас, – запричитала мать Степана, упав на колени перед сыном.

Афанасий схватился за голову руками и зарыдал, как ребенок.

Глава XX

Семён стоял неподвижно после того, что услышал. В мыслях еще и еще проносилась исповедь Степана. Жестокость родилась в сердце молодого парня.

Прекрасный юноша убедил себя в том, что имеет право быть беспощадным к этому миру, в котором так жестоко сложилась судьба его матери и родных.

Услышанное ошеломило парня. Болезненно переживая прошлое, юноша молча вышел из дома, по привычке взяв скрипку, которая попалась ему под руку, и медленно вышел со двора.

Ноги привели его к тому камню, где когда-то спрятала его мать, там – где подобрал малыша молодой казак. Сёма подошел к холмику. Рассмотрев могилу матери, которую он видел не раз и ничего о ней не знал, но присутствие и любовь которой он всегда чувствовал.

До Семёна доходили кое-какие слухи о найденыше, о погроме. Но всю правду открыл ему перед смертью Степан.

– «Батя», «батя», что же наделал ты? – с болью в сердце прошептал юноша, глубоко затаив обиду на судьбу свою и матери. Затем опустился на землю, обнял холмик, поцеловав его, горько заплакал.

– Сколько я искал тебя и нашел здесь. Как мне тебя не хватало, какая короткая была твоя жизнь? Какая ты? Даже нет фотографии. Как хочу увидеть тебя! Что сделали с твоей жизнью? – говорил сын матери, которую не видел никогда.

Так пролежал он, глубоко затаив обиду на виновников судьбы матери, на тех, кто разлучил их с самого детства.

Его взгляд остановился на скрипке, которая все это время лежала рядом. Поднявшись, Сёма взял ее в руки и заиграл. Не смычок, а его израненное сердце плакало на скрипичных струнах. Это – материнская нежность лилась наружу, обнимая сына. Игрой изливал свою боль, идущую из глубины сердца.

Всё вокруг замерло, сопереживая скрипке.

Богдановка замерла от игры.

К Сёме подошел сосед Герцель.

Казаки звали его просто Гриша. Он был младшим родным братом того самого Суруиля, которого вызвал Афанасий во время погрома.

– Что случилось, Сёма?– спросил Гриша.

Сёма молчал. Не было слов выразить то, о чем он думал.

– Я прогуливался и услышал, как красиво ты играл. Твоя скрипка просто рыдала, – продолжал Гриша.

– Она никогда больше не будет рыдать!!! – со злостью произнес Сёма и ударил скрипку о камень.

Скрипка со стоном разломилась, лопнули струны. Это последний крик его прежней жизни.

Герцель вырвал обломки из рук Семёна.

– Не глупи. Зачем ты это сделал? Скрипка здесь не при чем!

– Здесь, под этим холмом лежит та, которая подарила мне жизнь, которую я с детства искал. С ней обошлись жестоко, – произнес с обидой и болью Сёма.

– Что ты говоришь, дорогой! Неужели? – сочувственно сказал Герцель.

– Теперь я стану жить по-новому, где не будет ни жалости, ни сочувствия. Мой принцип – месть, – произнес Семён со злостью.

– Успокойся, Сёма, ты не один, я с тобой, – сказал Герцель.

Искренность Гриши согрела парня. Опустив голову на плечо друга, юноша разрыдался еще сильнее.

Глава XXI

Герцель был очень талантлив, отлично танцевал, играл на разных инструментах. У него недавно родился сын.

– Пойдем к нам, познакомлю с сыном, – улыбнувшись, произнес Гриша, чтобы как-то успокоить юношу.

Мать Гриши, умная и добродушная женщина, тепло встретила гостя. Оставшиеся после погрома в Богдановке евреи знали о судьбе Якова – Семёна, но молчали. Ведь Степан сам со своими родителями воспитывал еврейского мальчика.

Увидев малыша, сына Герцеля, спящего сладким сном на руках у матери, Семен представил себе, что его так же нежно держала на руках его мать и родные.

Душа Семы пребывала в растерянности.

«У меня могло быть то же. А сейчас со мной ни одной родной души», – думал парень.

– Гриша, спасибо тебе. Я понимаю, ты хочешь поддержать меня, но знаешь, я, пожалуй, пойду к нему. Не могу не проводить его. Ведь это мой «батя», а за прошлое он настрадался, бог ему судья. Да и у стариков нет никого, кроме меня. Он так и не женился и не подарил старикам родных внуков. Я у них один, – произнес мрачно Сёма.

– Конечно иди, ты прав. И я хочу сказать тебе о том, что вся станица знает, как он любил твою маму и тебя. А что случилось, то уже в прошлом. Не со зла, а из-за любви черт попутал. И запомни, я с тобой, дорогой, – проговорил Герцель.

Подойдя к дому, Семён увидел Афанасия, сидевшего на крыльце и держащегося руками за голову. Плечи его вздрагивали. Из дома доносился плач и причитания Дарьи. Увидев внука, Афанасий словно ожил. Сёма подошел к деду и сел рядом.

– Не держи зла на отца. Он всю жизнь любил только ее одну – с детства до самой смерти. Жил Степан только тобой. У нас, кроме тебя, никого нет. Не уходи от нас, мы не переживем

этого, – устало произнес Афанасий. – Если в чем виноваты перед тобой, прости!

– Я люблю тебя и бабушку. Ведь вы мое детство делали счастливым. И «отца» я очень любил, но я мечтал о матери, мне было плохо без нее. Мне так хотелось сказать слово «мама». Но, что уже говорить, прошлое не вернешь. Пойдем к нему, бабушка с ним одна.

Они молча вошли в дом.

Глава XXII

В восемнадцать лет Семёна призвали в армию. С детства приученный к военной дисциплине, он перенес все тяготы службы с легкостью и этим заслужил поощрения командиров.

«Спасибо, отец, что ты воспитал меня по-мужски», – думал часто Семён. Отслужив, он остался в армии и был направлен в школу НКВД.

Войска НКВД пополнились парнем, из которого убеждения сделали палача.

Шел период репрессий с тридцать шестого по тридцать восьмой год.

Семён превратился в «примерного» командира – особиста.

Однажды, допрашивая «врага народа», он ударил с силой подсудимого ремнем и бляхой попал ему в лицо. Схватившись за глаз, тот безумно заорал от боли, произнося сквозь зубы Семёну в лицо: «Жид…».

Дрожь ненависти прошла по телу палача. Блуждающим, полубезумным взором он смотрел в лицо жертвы. Реально оценивать обстановку и принимать взвешенное решение он уже не мог.

Бесчинства, которые он совершал, сопровождались убийствами и пытками людей. В одиночестве он возвращается домой по ночам, мучаясь бессонницей. Приходит позднее раскаяние: «Как я живу? Что делаю?»

Но наступал день и вновь Семён плыл по течению.

Глава XXIII

В 1942 году Семён был направлен на фронт командиром взвода в звании старшего лейтенанта, так как был работником НКВД.

Его часть располагалась в тылу. Они должны были расстреливать бегущих с поля боя, поддавшихся панике «трусов» и «предателей».

– Как трус, стреляешь солдатам в спину, – сказал однажды Семёну командир батальона капитан Алексей.

– Я выполняю приказ, – ответил старший лейтенант.

– Да вы помогаете фашистам убивать своих, – продолжал капитан.

– Это война. Трус и предатель должен быть расстрелян, – ответил Семён.

– Посмотрел бы я на тебя на их месте, – вновь продолжал командир батальона.

– Может, это и так, но я добросовестно исполняю свою работу, – ответил командир взвода.

А на следующий день, в первой же атаке очередью подкосило капитана Алексея. Семён, как бы продолжив вчерашний разговор, закрепив ремешок от фуражки на подбородке, рванулся из окопа, что был в метрах тридцати позади роты штрафбата с криком «ура!!!».

Его крик показался ему самому каким-то идиотским, но он мчался впереди всех.

Не коснулись Семёна ничто: ни пули, ни осколки.

– Кто разрешил тебе самому принимать решение? Хочешь быть командиром штрафбата, так будешь, – орал на него майор, прибывший на место боя.

Первый раз в жизни он нарушил приказ и не раскаялся в этом. И всё же за боевые заслуги он был награжден орденами и медалями.

Глава XXIV

Август 1942 года. Немцы в Богдановке. Взволновала эта весть евреев из Нальчика. Евреи в Богдановке называли себя татами, чтобы сохранить себе жизнь. Но были люди, которые выдавали их, что они не таты, а евреи.

Многие успели эвакуироваться.

Кимхо, услышав это известие, решила спасти свекровь и родных мужа, которые проживали там. Она наняла подводу. Только хотела тронуться с места, прибежала родная сестра Хагуле и закричала:

– Ты куда едешь, дура, там бомбят, я не пущу тебя!

– Уйди, не мешай, я все равно поеду за ними, уйди с дороги, – оттолкнула она сестру. Добравшись до Богдановки, она посадила своих родственников на подводу. Только они двинулась в обратный путь, как над Богдановкой закружили «мессершмитты», сбрасывая на землю свой смертоносный груз.

В Нальчике у ворот дома стояла сестра Кимхо. Увидев беженцев из Богдановки, она разрыдалась:

– Неужели ты живая вернулась, – проговорила сестра сквозь слезы.

– Слава Богу, мы все живы, – ответила Кимхо.

Она ждала своего мужа и после войны долгие пятнадцать лет…

Война кончилась. Он не вернулся. Но ни похоронки, ни извещения, что он пропал без вести, она не получила. Но она всё ждала его. Видно, любовь ее была бессмертной.

Живя у двоюродной сестры Мемей, она каждый день рассказывала ее детям о том, как они с мужем любили друг друга. Этим она и жила. А жили она с мужем всего меньше года. Кима была симпатичной женщиной. Ее сватали не раз.

Многие ей говорили:

– Что сидишь, выходи замуж, он уже не вернется.

Она отвечала:

– А что люди скажут? Ведь я знаю, что он жив, а вдруг вернется. Я очень люблю его.

Да!!! Некоторые женщины приходят в жизнь для одного: чтобы показать миру, что верность существует!!!

– Какая ты глупая, – говорили ей.

И действительно, ее муж вернулся через 15 лет, но с другой женой и детьми.

Однажды ей сообщили:

– Твой муж вернулся.

Сначала она думала, что ее разыгрывают. Но когда Мемей сказала строго:

– Да, он вернулся, но я тебя туда не пущу.

– Какое ты имеешь право не пускать меня, – сердито ответила Кимхо и стала собираться на встречу с мужем, надевая все самое лучшее. Оттолкнув сестру, она хотела выйти из дома.

–С ним жена и дети, – вслед крикнула ей Мемей.

– Какая жена? Его жена я, – удивленно проговорила Кимхо.

– Была и есть по нашим обычаям, но он с другой и у него дети. Не ходи, прошу тебя, – продолжала умоляюще сестра.

Сестры обнялись и заплакали. Одна за обиду и любовь, которую ждала годами, а другая за судьбу сестры.

Так Кима и прожила всю жизнь в семье двоюродной сестры, которая стала ей самой родной. Продолжая рассказывать уже внукам сестры про свою любовь к мужу и о его любви к ней.

Это был плод ее фантазии, объединившийся с реальностью событий в ее нелегкой судьбе.

Открывая альбом с наклеенными открытками и русскими народными песнями о любви, иногда на родном языке пела еврейские песни и, сочиняя, дополняла их словами из своей жизни.

Пела она детям и внукам сестры, которые были уже и ее.

Позже ее муж рассказывал о том, что его ранило, и он был контужен и потерял память. «Казачка вытащила меня с поля боя и выходила. Ну, мы и поженились», – продолжал он свой рассказ. У них появились дети. Со временем память вернулась к нему, и он вернулся в Нальчик, вспоминая Кимхо с благодарностью за то, что верно ждала, веря в то, что он жив, и за то, что благодаря ей его мать и родные остались живы.

Дети сестры считали и считают ее второй матерью. Кима помогала сестре растить детей и очень любила их. Они с благодарностью и любовью говорят о ней.

Но больше всех на свете она любила с пеленок Ефремчика, который стал ее жизнью, радостью и счастьем… И он любил ее так же, как родную маму… Это наш поэт, композитор и исполнитель авторских песен, гордость горских евреев, народный артист Кабардино-Балкарии Амирамов Ефрем Григорьевич.

Глава XXV

А в Богдановке немцы согнали оставшихся евреев, как скот, в кучу. Недалеко, за околицей станицы с давних времен находился колодец, некогда дававший жизнь. Немцы выбрали его как место расправы над евреями.

Рядом с фашистами полицай – Егор. Наступило, наконец, время мести. Ведь из-за еврейки у него на лице огромный шрам по всей щеке.

– Шнель, шнель, юде капут, – кричали фашисты, отстающих пожилых и стариков подгоняли прикладами.

– Алик! Алик! Внучек! Не отдам тебя им! Ты моя душа! Мое сердце! Моя жизнь! Господи, помоги! – кричала пожилая женщина.

– Возьмите мальчика, пожалуйста, умоляю вас… – протягивая внука, просила она казаков, стоящих в стороне. Со слезами наблюдали за зрелищем казаки.

– Его отец вернется, заберет его, – продолжала она, но люди боялись за свою жизнь, если даже и хотели помочь. Те, кто посмелей, пытавшиеся выхватить детей из рук родителей, легли под выстрелами автомата.

Один из фашистов с силой выхватил кричавшего, перепуганного внука из рук женщины и швырнул в центр толпы.

– Алик!!! Алик!!! – вновь душераздирающе кричала женщина. Ее крик был прерван сильнейшим ударом в спину.

– Бабушка! Бабушка! Возьми меня. Мне больно! – плакал истерично мальчик охрипшим голосом. Но бабушка так и не

услышала внука. Его плач и крик затерялись среди других криков и слез беззащитных. Это были мать и сын Герцеля, братик и бабушка Ефрема.

Беспомощные, униженные и оскорбленные евреи звали на помощь, но помощи ждать было неоткуда. Они были словно вопиющие в пустыне.

Видя из окон своих домов, что творят с земляками, казаки плакали, но помочь были не в силах, опасаясь за свою жизнь.

Неожиданно к толпе, подгоняемой фашистами и полицаем Егором к колодцу, примкнула женщина и двинулась с евреями. Обернувшись, Егор увидел свою мать.

– Мама, куда ты, их же ведут кончать?! – крикнул Егор матери.

– Я знаю, – спокойно ответила мать Егора.

Ничего не поняв, полицай в растерянности кричит снова:

– Чего же ты тогда, ты же не еврейка?

Повернув голову в сторону сына, она громко произнесла:

– Исус тоже был еврей… Что ты творишь, опомнись, сын… – кинулась мать к сыну с кулаками. Видя, что кто-то бросается на полицая, фашист, стоявший рядом с Егором, выстрелом из автомата уложил мать прямо к ногам сына.

– Что делаешь, гад, в кого стреляешь? Это же моя мать! – схватился за оружие Егор, но автоматная очередь прервала его на полуслове. Он рухнул рядом с матерью. Их головы соприкоснулись. Руки сплелись в последнем пожатии. Немеющими губами Егор произнес:

– Прости меня, мамочка.

– Сынок, – задыхаясь в агонии, произнесла женщина, пытаясь обнять другой рукой сына, но рука ее безжизненно опустилась. Сердце матери остановилась одновременно с сердцем сына.

– Шнель, шнель, юде капут, – продолжали фашисты.

Пригнав евреев к заброшенному колодцу, фашисты заставили мужчин вырыть глубокий ров лопатами, которые по приказу фашистов выдали им.

– Копай, юде! – кричали фашисты.

Ни у кого из присутствующих не было и тени сомнения, для чего они рыли этот ров.

Зов голосов и рук, тянувшихся друг к другу, тесных объятий и прощаний людей, которых пригнали к колодцу. Евреи хоронили бесплодные ожидания последних минут жизни, надеясь на помощь до последнего часа, читая молитву.

Фашисты выстроили евреев и приступили к казни.

Если б можно было заглянуть в те души, которые разлучали с детьми, с родными, с частицей себя самого в ожидании смерти.

Уже после войны были найдены останки около 500 человек, многие из которых погибли от выстрелов в голову, спину…

Многие трупы и после смерти сплетались в тесных объятиях. Даже смерть не смогла разлучить их. После казни, забросав ров землей, фашисты ушли.

А по степи, наводя ужас на живых, еще несколько дней слышались стоны, а холм двигался, словно живой.

Смерть примирила Егора с евреями. Он и его мать нашли последний приют в братской могиле.

И еще много таких могил было разбросано повсюду. Они указывали кровавый путь фашистов по Земле. Ни знака, ни памятника, ни могильного камня…

Уже после войны на гранитном обелиске в Богдановке навечно застыли 472 имени.

Низкий поклон Вам, безвинные жертвы фашизма.

Уже после войны, надевая ордена и медали на новый костюм, Герцель вместе с земляками из Нальчика, у которых были живыми захороненные в том колодце отцы, братья, матери, сестры, родные, Девятого мая, в День Победы торжественно выезжали вереницей машин в Богдановку, чтобы отдать дань памяти тем, кто остался лежать там навеки.

Глава XXVI

В этот скорбный день, когда погибли евреи в Богдановке, у одного из военнопленных сжалось сердце от неизбывной тоски и горечи. Схватившись за сердце, он лежал неподвижно. Находившийся рядом товарищ спросил:

– Что случилось? Чем помочь?

– Ничем невозможно помочь, сердце чувствует беду, на воле что-то, наверное, с родными, – взволнованно произнес Герцель.

Все его существо сопротивлялось даже мысли о гибели сына, матери, родных и близких. С чувством тревоги, несмотря на настоящую угрозу смерти, он все равно продолжал жить и помогал жить другим.

Измученные пленные после тяжелого труда лежали в бараке на нарах. Чтобы чем-то согреть их души, Герцель решил станцевать для них лезгинку. Еще до войны он мог выйти в круг танцующих на сцене с обнаженными саблями и станцевать такую лезгинку, которая приводила всех присутствующих в восторг. Несмотря на усталость, он настолько заразительно танцевал, выделывая разные «па» и «коленца», что на лицах товарищей появлялась улыбка.

Начальству лагеря донесли о том, что один «обрезанный» танцевал кавказский танец в бараке для пленных.

Неожиданно явились в барак пьяные фашисты:

– А ну иди сюда, танцор, – подозвал один из них пленного, еле говоря по-русски. – Жид? – продолжал допрос фашист, глядя в упор на танцора.

– Карачаевец, – ответил Герцель.

– Говорят, хорошо танцуешь, а ну давай пляши, – прошипел фашист с акцентом на ломаном русском. Под смех, хлопки и свист фашистов Герцель вышел на середину барака, понимая, что если не исполнит желание фашистов, то подведет товарищей.

– Эрсса, – произнес бывший руководитель и директор Карачаево-Черкесского ансамбля, балетмейстер Герцель и понесся на носочках босиком по каменному полу, а фашисты не давали ему остановиться, смеясь и хлопая под свой свист. Из пальцев Герцеля шла кровь. Наконец один из фашистов произнес:

– Ладно, кончай, отдыхай, тебе через час, два на работу.

– Что, оставишь иуду жить? – сказал другой фашист.

– Да не видишь, скоро сам сдохнет, пусть мучается, – и они вышли из барака.

Герцель упал на пол. Притихшие товарищи подошли поближе и увидели страшную картину. Ноги Герцеля, недавно выделавшие для них «па» и «коленца», были все в синяках, ссадинах и с содранной кожей. Из пальцев и колен струилась кровь. Товарищи бережно подняли своего дорогого танцора и положили на нары, обворачивая его ноги тряпками, какие только могли найти. Ведь чуть свет на работу.

Тишину в бараке нарушила стрельба.

– Фашисты в панике. Что-то там происходит, – сказал один из пленных товарищам.

Двери барака с шумом раскрылись:

– Братцы, вы свободны! – кричали партизаны.

Все бросились навстречу спасателям, обнимая их и плача от радости.

Герцель, пытаясь встать, упал вновь.

– Ребята, помогите нам поднять товарища, он не может ходить, – попросил сосед Герцеля по нарам.

Когда партизаны подошли ближе, то увидели на нарах мужчину с впалыми щеками, измученным лицом, но красивыми серыми, светящимися глазами, ноги которого были обмотаны грязными тряпками, из которых сочилась кровь. Взяв под руки, партизаны помогли вывести его из барака.

– Это наш танцор, – с гордостью сказал один из военнопленных.

Не зная о судьбе сына и матери, Герцель возвратился после войны домой в Богдановку.

Дома никого не оказалось.

Услышанное от земляков перевернуло всю его жизнь. До этого момента в его душе еще теплилась надежда на встречу с сыном и матерью.

Глава XXVII

И такими кровавыми вехами был отмечен путь фашистов на Кавказе. Стремясь утвердить свое господство, они подняли над седой вершиной Эльбруса свой штандарт со свастикой. Но жители многонационального Кавказа грудью встали на защиту своей земли, проявляя чудеса храбрости и героизма, беззаветной любви к отчизне.

Они выстояли. И простой отряд красноармейцев, преодолев все трудности восхождения, сбросил фашистский символ глубоко в пропасть. Не только регулярные части сражались с фашистами. Этот фронт проходил через каждый город, село, дом, через каждую семью.

Так же как на Украине, в России, в Белоруссии, на Кавказе развернулось широкое партизанское движение. В нем принимали участие и старик, убеленный сединами, и совсем безусый юноша, и даже ребенок.

Без различия веры, нации, языка, горцы сражались за свободу своей земли. История оставила нам много имен и примеров этого.

Евреев предупредили, чтобы они называли себя татами для спасения и сохранения своих жизней. Многие люди города были связаны с партизанами. Среди них был и один из сыновей раввина Рафрама.

Когда фашисты ворвались во двор его дома по наводке предателя, сыновей не было дома. Рафрам вышел из дома, предупреждая домочадцев, чтобы они не выходили во двор.

– Тат? – произнес один из фашистов.

– Нет, я еврей, – ответил гордо Рафрам.

– Юде? – прошипел фашист, схватив старого человека за бороду, и повалил на землю. Все вместе они стали избивать старика ногами и прикладом автомата.

Наблюдая из окна, что творят со стариком, жена Рафрама, Хицилин, невестки Ефет, Арюс и дочь, выскочив во двор, стали умолять, чтобы не трогали старика:

– Тат, тат, мы таты! – кричали они, но фашисты продолжали зверски избивать старика.

Дочь Рафрама выбежала со двора на улицу.

– Отца убивают! Помогите! – кричала перепуганная женщина.

Подняв руки к небу, взмолилась:

– Господи, помоги!

Один из фашистов сбросил кипу с головы рабе Рафрама. Старик схватил ее и сжал крепко в руках, забыв про боль, которую ощущал от каждого удара фашистов.

Уверенные в том, что старик уже мертв, решили уйти.

– Он готов, – багровый от физических действий произнес один из них.

Увидев Кимхо во дворе, один из фашистов прихлопнул по ее ушам с двух сторон обеими руками и, рассмеявшись, пошел за остальными.

Кровь хлынула из ее ушей. Она закричала от боли. Та мужественная женщина, которая, не боясь пуль и бомбежек, спасала родных, сейчас была беззащитна, как ребенок.

Подбежав, наконец, к старику, жена и дочь увидели в руках его крепко сжатую кипу и гордый взгляд в потускневших уже глазах. Взяв своего мужа вместе с невестками, женами сыновей, под руки затащили домой.

– Дочка, что это Кимхо кричит, посмотри? – спросила жена Рафрама.

Молодая женщина подбежала к сестре:

– Что с тобой? – и тут же увидела лицо ее в крови.

– Я не слышу, я ничего не слышу, – без конца повторяла девушка.

– Мама, она не слышит, фашисты ударили ее по ушам, – растерялась дочь.

А Рафрам в скором времени скончался от побоев фашистов.

Жена Рафрама, Хицилим, не выдержала смерти мужа, стала гаснуть день ото дня. Отказавшись от домашних хлопот и еды, легла в постель и уже не встала.

– Мама, ты должна жить, хотя бы ради нас, – умоляла ее дочь.

– Мое место рядом с ним, – отвечала она.

Так она и ушла к тому, без которого жизнь для нее не существовала.

Глава XXVIII

В силу особой значительности и важности обороны Кавказа, советское правительство учредило медаль «За оборону Кавказа», которой были награждены десятки и тысячи солдат и офицеров, а также мирных жителей, принимавших в этом активное участие. Среди них были и евреи из Нальчика.

Семён вернулся с фронта достойно, с наградами. Был назначен начальником КГБ.

В своем районе, ознакомившись с документами и свидетелями очевидцев, узнал историю евреев из Богдановки. О том самом «Егоре»-полицае, который со своей матерью нашли покой под одним холмом с евреями.

О матери и сыне Герцеля.

Все его существо было потрясено. И он почувствовал «зов крови».

Семён торопился посетить скорбные места.

Дорога шла мимо заветного Камня и Дерева. Время почти сравняло дорогой ему могильный холмик с землей.

– Что это? Как я мог допустить? Давно я должен был поставить тебе памятник, – произнес Семён.

В его сердце и сознании были боль и обида за судьбу той, которая нашла здесь последний приют.

В полном молчании он продолжал путь к месту трагедии – братской могиле.

– Земной поклон и вечная вам память, – вслух произнес Сёма.

Обернувшись, он увидел подходящего к холму поседевшего человека, которого сотрясали рыдания.

В такт шагам на его груди позвякивали ордена и медали… Черты незнакомца были поразительно знакомы Семёну.

– Ба! Да это же Герцель! – узнав друга, он бросился к нему навстречу.

– Сёма, неужели это ты? – произнес Герцель, заключая его в объятья.

– Я всё знаю о твоем горе и разделяю его с тобой. Держись, Гриша, их уже не вернешь.

– Вот пришел попрощаться с матерью, сыном и родными. Уезжаю в Нальчик, мои родственники уже там. Если надумаешь, приезжай, – продолжал Герцель. С большой грустью на сердце друзья расстались.

Глава XXIX

Семён на подводе привез простой белый камень и ограду. На камне была выбита дата недолгой жизни Эстер. Вместе с коллегой по работе они установили памятник на холмике, а затем окружили холмик небольшой оградой.

– Ну вот, теперь хорошо, – сказал Сема, – правда,чего-то не хватает.

Помощник произнес:

– У нас на камне обязательно крепят фотографию.

– У меня нет ее фотографии. Я сам никогда ее не видел, а как хотелось бы, – вздохнул Семён.

В один из обычных дней, по сигналу «доброжелателей» Семён с сотрудниками выехал по адресу, где якобы одна из семей подпольно занимается выделкой кожи и забоем скота. Войдя в калитку, увидел девушку, подметающую двор.

«Что за красавица!» – подумал он.

– Вам кого? – спросила девушка.

– Хозяина, – ответил незнакомец.

– Папа, тебя спрашивают, – крикнула Циля.

Когда вышел хозяин дома, подполковник, мельком глядя в сторону девушки, спокойно произнес:

– Мы пришли с обыском. Поступил сигнал о том, что вы подпольно занимаетесь выделкой кожи.

Хозяин дома удивленно пожал плечами и произнес:

– Докажите.

И что-то знакомое он увидел в чертах военного.

– Я не буду обыскивать ваш дом, но будьте осторожны, – сказал тихо Семён, чтобы не слышали подчиненные.

Впервые в жизни он изменил своим принципам. И виной этому стала Циля, дочь хозяина.

Глава XXX

Над чувством долга взяли верх какие-то другие чувства, зародившиеся в душе Семёна.

Вслед за хозяином вышла его жена. Подойдя ближе, взявшись за сердце, прошептала:

– О Господи! Яшенька, дорогой, неужели это ты? Боже! Ты же вылитый Эстер! – раскрыла объятия пораженному Семёну незнакомая женщина.

Ошеломленный Семён произнес:

– О чем Вы?

Хана, смеясь и плача, переводя взгляд с Семёна на мужа и дочь, взволнованно проговорила:

– Я же рассказывала вам о судьбе Эстер, моей подруги. Мардахай, ты же помнишь ее. Это ее сын, которого воспитали и вырастили казаки. Наш скрипач. Как рада я и счастлива видеть тебя живым и здоровым. В детстве твоем я следила за тобой, но после смерти Степана потеряла тебя из вида. Спасибо, Господи, что ты спас и сохранил его для нас живым и невредимым, – обратилась к Всевышнему счастливая Хана.

– А где же звезда Давида, которую надела на тебя твоя бабушка, когда ты родился? Это, наверно, она сохранила тебя для нас, – продолжала женщина.

Семён стоял ошеломленный после новости, которую он услышал.

«Какое счастье! Это же подруга матери! Наконец есть кто-то родной и близкий», – радостная улыбка появилась на лице военного.

– Будь как дома, сынок. Теперь ничто не помешает тебе узнать поближе наши традиции и понять свои истинные корни.

Пойдем в дом, Яшенька или Сёма, не знаю, как нынче зовут тебя, – не могла успокоиться Хана.

– Не сейчас. У нас еще будет для этого время, – растерянно произнес Семён.

Впервые почувствовал он теплоту домашнего очага.

Придя домой, достав заветную коробочку, он вновь ощутил тревожное и щемящее чувство печали и одновременно чувство надежды на лучшее будущее. Расстегнув ворот, перевязав пошире кожаный шнурок, Семён решил надеть свой талисман и уже до конца жизни не снимал своей звезды.

Став частым гостем в доме Ханы и Мардахая, он понял, что не может жить без Цили. Однажды Хана сказала:

– Сёма, дорогой, вот я нашла то, что так долго хранила и хотела тебе отдать. Но так и не получалось. – С этими словами она протянула ему фотографию.

Со старого пожелтевшего снимка на Сёму взглянули яркие лучистые глаза, проявился нежный и чистый овал лица. И темные локоны, прикрывавшие белоснежный лоб, спускались на плечи и грудь. Долго разглядывал он черты той, которую мечтал увидеть всю свою жизнь.

– Вот, оказывается, какая она была! – выдохнул, наконец, сын. Спрятав фотографию на груди, как самое святое и родное, Семен отправился к лучшему фотографу. Тот увеличил фотографию, затем заключил ее в деревянную рамку и вручил Семёну.

Однажды, придя к Циле, неожиданно для себя обратился к близким теперь уже людям:

– Если можно, навестите со мной Эстер.

На следующий день, с самого утра, они все вместе подошли к притаившемуся в тени дерева памятнику. Всегда неугомонная и норовистая Циля примолкла, прижимая к груди букет цветов из своего сада. Не говоря ни слова, Семён с Мардахаем прикрепили рамку с фотографией к могильному камню:

– Теперь, кажется, все. Теперь ты можешь быть спокойна, – ласково сказал Семён, поцеловав рамку с фотографией матери.

Хана положила цветы на могилу подруги:

– Я знала, что ты здесь. Я навещала тебя, дорогая, прости, что не часто. Для всех было загадкой, где ты. Многие думали, что ты там со своими».

Теперь уже Циля с нетерпением ждала прихода Семёна, выглядывая в окно.

– Доченька, нравится тебе наш Сёма? – спросила однажды Хана у дочери. Циля покраснела и ничего не ответила.

Влюбившись в Цилю, Семён сделал ей предложение. Циля ждала этого момента с нетерпением. Свадьба была по всем еврейским обычаям. Через год Циля родила сына. В честь деда Семёна его назвали Тимофеем. А жизнь продолжалась.

После войны началась новая внутренняя война: репрессии и чистка партийных органов, теперь уже от евреев.

И Сёма попал под жернова этой страшной машины. Он был уволен из рядов КГБ. Семья решила поменять место жительства, перебраться в город Нальчик.

Накануне отъезда Сёма сказал жене: «Пойду попрощаюсь с Эстер». Слово «мама», которое он не знал, очень волновало, и он не мог произнести его почему-то. Для него это слово было святым.

Стоя у могилы рядом с камнем, с которого начиналась вся история жизни матери, «бати» и его самого.

Присев, Сёма глубоко задумался. Он старался воскресить в памяти самые яркие минуты своей жизни.

Листья дерева, шелестя, перешептывались, наклонив перед Семёном свои ветки.

«Исповедь!» – эта мысль вонзилась в его сердце. Именно здесь, у камня, знавшего его с пеленок. Это был призрак из его прежней жизни, который появился и предъявил ему счет за причиненные обиды и страдания другим.

Человека, допрашивая которого оставил без глаза. Судьбу своей матери, которую он никогда не видел, узнав о ее судьбе от «бати». О тех, в кого стрелял из тыла, кого отправлял по этапу в лагеря.

Прошлое, будущее, настоящее. Перед его мысленным взором, сменяя друг друга, пронесся калейдоскоп событий, лиц, которые постепенно сложились в картину под названием «жизнь особиста Якова-Семёна».

«Простите меня, кто может, и я прощаю всех, кто лишил меня матери и родных. Прощай, мудрый камень, береги мою Эстер».

Вытерев платочком стекло на фотографии, Семён поцеловал ее. Затем пошел дальше к могиле, где были захоронены жертвы фашизма. Он стоял неподвижно, задумавшись. Из глубокой задумчивости его вывел ласковый голос жены: «Дорогой, нам пора. Мы расскажем о них нашим детям».

Желание уехать было у Семёна давно.

Многие евреи, еще до войны, после погрома уехали из Богдановки. Но в нем был еще и дух казака.

Глава XXXI

В Нальчике встретили их радушно. Там было много своих родственников и единоверцев. На деньги от проданных домов «бати» и Цилиных родителей в Нальчике купили хороший дом с большим двором и садом.

Приняв во внимание прежние заслуги Семёна, военный опыт, звание, власти города вновь взяли его на работу в КГБ.

Шло время. Мать Цили, Хана, беседуя с соседкой, часто говорила: «Слава Богу! Все хорошо! Мы счастливы. У нас хороший зять, сын близкой моей подруги детства».

А иногда, проснувшись ночью от тревожного сна, Хана разговаривала с подругой, беззвучно шепча губами: «Не переживай, Эстер, я постараюсь быть бабушкой и матерью за двоих».

Циля ждала второго ребенка.

Но надеждам на спокойную мирную жизнь в Нальчике не суждено было сбыться.

Весной 1951 года среди ночи к дому с палисадником подъехал «черный ворон».

– Вам кого? – спросил хозяин.

– Вас. Вы арестованы.

– За что?

– Поедем с нами, там поймете.

Таков был диалог. Судьба безвинного человека была решена.

Циля заломила руки в беззвучной мольбе и стала просить Бога о помощи. Она поняла, что уже никто ему помочь не мог.

– Сёмочка, дорогой, за что? Мы будем ждать тебя… – прижимая к груди сына, сквозь рыдания произнесла Циля. Рядом, разделяя горе дочери, стояли ее отец и мать.

Хана нежно обняла дочь и внука и срывающимся голосом уверяла:

– Не волнуйся, все будет хорошо, органы разберутся, правда, отец? – обращалась она к мужу.

Мардахай молча кивнул головой, в душе зная «правильный ответ».

Семёна вывели из дома и силой затолкнули в машину. Циля побежала вслед босиком за мужем.

– Берегите себя и детей, я вернусь, – прокричал он родным.

– Сёмочка, родной, за что? – рыдала Циля.

Отец и мать выскочили за дочерью.

Вдруг выражение лица Цили исказила гримаса боли:

– Ой, мамочка, – схватилась Циля за низ живота.

– Ведь еще не время, доченька, – испуганно произнесла Хана.

Чтобы поддержать тяжело оседавшую на землю Цилю, Мардахай рванулся к дочери.

– У нее начались схватки, – обеспокоенно сказала Хана мужу.

Отец с матерью помогли дойти дочери до кровати. Мать Цили вытащила из шкафа все необходимое для родов, которое подготовлено было все заранее, а отец помчался за акушеркой, жившей неподалеку от них.

Бабушка приняла малышку из рук акушерки.

– Эстер, дорогая, у нас внученька. Как жаль, что ты не с нами, – говорила Хана вслух своей рано ушедшей из жизни подруге.

Громкий плач ребенка вызвал улыбку на лице матери. Взяв доченьку на руки, которую дала ей Хана, Циля прижала ее к себе и прошептала потрескавшимися от боли губами:

– Мы дождемся, твой папа вернется.

Хана и Мардахай с любовью рассматривали внучку:

– Посмотри, дорогой, как она похожа на Сёму и Эстер, – радостно лепетала бабушка. – У нее будут такие же красивые глаза и локоны, – продолжала она.

– Циленька, я думаю, Сёма будет рад, когда узнает, что его дочку назовут в честь его матери, – сказал Мардахай жене и дочери, с нежностью смотря на внучку.

– Ну, здравствуй, Эстер! – посмотрев на дочку, проговорила Циля.– Папу мы обязательно дождемся.

– Конечно, дождемся. С Божьей помощью. Как это, чтобы Сёма не встретился со своей доченькой, со своей мамочкой? – глядя на внучку, радостно произносила бабушка.

Глава XXXII

А Семёна все дальше увозил «черный ворон» от родного дома. Ворота тюрьмы захлопнулись за ним, очертив резкую границу между его прежней и будущей жизнью. В полной мере испытал Семён на своей шкуре то, на что обрекал десятки и сотни ни в чем не повинных людей ради «своей идеи».

В ожидании суда и следствия Сёма вспоминал многое. И даже то, в чем он сам «иногда» участвовал, в таких же арестах и высылках. Пришло позднее раскаяние: «Как же я мог?»

Эпизоды прошлой жизни стали проходить перед его мысленным взором. Здесь были и аресты, и применение силы для выбивания признаний.

Чаще всего его мысли посещал мужчина, который попал под горячую руку, остался без глаза и сгинул в недрах ГУЛАГа благодаря ему.

Суд и расправа были скорыми.

Прокурор объявил:

«Виновен. Враг народа. Статья 52. 10 лет лагерей».

Опустошенный Семён отправился по этапу. Он повторил путь десятков тысяч «советских граждан», чей дармовой труд необходим был Родине.

В стране, после войны особенно, нужны были рабочие руки, которые просто за пайку хлеба могли совершать «трудовые героические подвиги». Страна нуждалась в золоте, платине,

алмазах, месторождения которых были открыты в Сибири, за полярным кругом. И осваивать эти территории должен был зэк – «враг народа».

Еще в далекие предвоенные годы страна превратилась в архипелаг ГУЛАГ. Сёма по этому этапу был отправлен в Казахстан, а затем на Енисей. Здесь, в старых грузовых баржах, совершенно не приспособленных для перевозки людей, сплавлялись по реке к самому Северному Ледовитому океану такие же, как Семён, зэки.

В порту Дудинка выгружались и живые и мертвые. Здесь почти не было охраны, так как бежать было некуда. Кругом была тундра и вечная мерзлота. Поэтому гнали на плато Путаран, где были открыты месторождения меди, никеля, золота и платины.

Глава XXXIII

Они разместились кое-как в холодных бараках, продуваемых со всех сторон северными ветрами, и уже на следующий день их выгнали на работу.

С киркой и лопатой, с тачкой, которую нужно было толкать перед собой, тысячи таких же, как Семён, «врагов народа» приступили к освоению Заполярья. Рядом с Семёном на нарах в бараке оказались и бывший политработник, и майор, раненый, без сознания попавший в плен, а когда вернулся, был объявлен предателем и сослан в лагеря.

Лишения и испытания объединяли их всех в единое целое без различия чинов, званий, наций, состояния. Все они были зэками. И это единство позволяло им не только пережить и выжить в этих нечеловеческих условиях, но и сохранить это единение до конца.

Однажды, уже несколько недель после прибытия в лагерь, толкая перед собой тяжело груженную тачку, Семён услышал за спиной злорадный хохот. Обернувшись, он увидел грязное, изможденное одноглазое лицо и беззубый рот, кривящийся в хохоте:

– А, жид, ты тоже здесь? Ну и как, нравится тут тебе? Получай то, на что обрекал других.

– Что тебе нужно, отстань, наконец, – нервно произнес Семён.

– Если я замолвлю словечко своим друганам кто ты, тебя этой же ночью посадят на перо.

– А мне все равно, – прервал его Семён, узнав в нем своего подопечного земляка, понимая, что по его вине он здесь. И еще понял, что в этой жизни все возвращается бумерангом.

«Неужели это сделал я?» – задал себе вопрос бывший работник НКВД.

– Хочешь легкой смерти? Не выйдет. Живи и подыхай. Помни, я слежу за тобой одним глазом, а другой отнял ты, палач. Пока живой, будешь помнить о нем, – продолжал пострадавший от руки Семёна, измученный жизнью человек.

В заключении Семён провел несколько мучительных лет и был освобожден лишь в 1956 году, когда по стране пошла волна реабилитаций невинно обвиненных и осужденных. Все эти годы семья жила в неведении и страхе за жизнь Семёна.

Но однажды, глубокой осенью 1956 года бывший военный в серой потертой шинели и совершенно седой человек постучал в двери знакомого дома. Дверь скрипнула, и в проеме появилось личико с до боли знакомыми, широко распахнутыми глазами.

– Ты кто? – бойко спросила девочка.

Мужчина шагнул вперед, подхватил ребенка на руки и взволнованно прошептал ей на ухо:

– Я твой папа, доченька!

– А я Эстер, – крепко обняв отца, радостно проговорила девочка.

В доме произошел переполох. Хана и Мардахай кинулись обнимать Сёму со слезами на глазах.

Циля стояла в проеме двери, словно каменная, а Тимофей молча прижался к груди отца…

Семён взволнованно проговорил:

– Все кончилось, сынок, мы живы и мы вместе – это счастье. Циля, родная, очнись, это действительно я, – сказал он,

одной рукой обняв жену, а на другой – сидела, улыбаясь, маленькая Эстер.

Жизнь пошла своим чередом. Несмотря на то что Семён был реабилитирован, от государственной службы после освобождения отказался, даже от мысли устроиться на работу в органы и от своих идей.

Семён начал заниматься заготовками сельхозпродукции для дальнейшей переработки.

Стал активным членом еврейской организации, посещать синагогу, помогать тем, кто нуждался в помощи.

Глава XXXIV

В 1970 году пошло новое течение репатриации евреев в Израиль. Это стало мечтой Семёна. Он сумел пройти все преграды и добиться разрешения для себя и своей семьи на выезд.

Семён и его жена пошли прощаться с соседями.

«Вы наши брат и сестра, не уезжайте, здесь мы свои, а как там сложится, Бог знает», – при прощании говорили соседи и близкие.

Эти кардинальные изменения в жизни кого-то пугали, кто-то сомневался, а кто-то безоговорочно принимал решение о переезде.

Среди них был Семён со своей женой. Глубоко затаенная мечта многих поколений, подсознательно живущая в каждом еврее, – воссоздание государства. Это и влекло евреев со всего мира в Израиль.

Большая и дружная семья ожидала отправки поезда, который шел через пропускной пункт «ЧОП» (граница между СССР и дальше через территорию Румынии) в столицу Австрии Вену, а затем в Израиль.

На привокзальной площади небольшого города был установлен обелиск в честь погибших солдат, освободивших этот городок во время войны. Обуреваемый воспоминаниями, Семён стоял у обелиска, низко склонив свою поседевшую голову. Перед его мысленным взором, сменяя друг друга, про-

носились картины того пережитого, что можно определить одним словом «война». И вдруг, как удар хлыстом по оголенному сердцу, послышались слова, сквозь зубы брошенные соседом по вагону:

– Иуды! Предатели! Сколько за вас положено жизней! Мало вас били! Жили лучше нас и наплевали в тот колодец, откуда пили и нам придется это пить!

Задыхаясь от возмущения, Семён рванулся к незнакомцу, но его удержали руки сына, стоявшего рядом.

– Папа, ты ничего ему не докажешь, даже не пытайся, – сказал Тимофей отцу.

Последнюю часть путешествия семья Семёна совершала на корабле. На рассвете в один из дней в туманной дымке, в лучах восходящего утреннего солнца семья увидела берег – это и была та земля обетованная, к которой так стремилось его сердце, а также сотен и тысяч евреев по всему миру. Как завороженные, затаив дыхание, стояли на палубе он с Цилей и их повзрослевшие дети.

Прекрасный берег становился все ближе и ближе. Судно бросило якорь в порту Хайфы, и Семён, наконец, выдохнул: «Вот мы и дома». Хана, прислонившись к Мардахаю, прослезилась.

Последние сомнения в правильности своего выбора были рассеяны, когда, спустившись по трапу на землю, увидев улыбающиеся лица, ощутили крепкие рукопожатия и объятия совершенно незнакомых ему людей.

«Шалом, здравствуйте, добро пожаловать», – раздавалось вокруг них на разных языках.

Дети очень скоро сумели устроиться на работу. Циля хлопотала по дому и занималась хозяйством. Родители Цили проявляли свою заботу о семье.

А у Семёна начались трудности. Давало знать его «советское прошлое». Годы, проведенные в рядах НКВД и КГБ, наложили определенный отпечаток не только на сознание Семёна, но и на его поступки и характер.

Раз за разом Семён получал отказ при попытке устроиться на государственную службу. Широкая улыбка и услужливость на лице чиновника вначале потом очень быстро гасла:

«Проходите», – говорит чиновник. «Слушаю вас». «Да, у нас есть место». «Будьте добры, ваши документы». Но стоило им прочитать анкету, как улыбка превращалась в гримасу.

«Простите, я должен проконсультироваться с начальством, зайдите через неделю».

Этим и закончились его попытки устроиться на работу. Все боялись бывшего чекиста и работника КГБ. Столкнувшись с таким недоверием к себе, Семён ожесточился и разочаровался. Не говоря ни слова родным, он в душе затаил глубокое чувство обиды.

Тонко чувствуя состояние мужа, Циля ни о чем не спрашивала. Она лишь с удвоенной заботой и вниманием относилась к мужу. Однажды днем в пустой квартире раздался междугородний звонок. Семён поднял трубку и даже слегка опешил:

– Алло, Сёма, как ты там, друг? Это мы.

Это были бывшие сотрудники разведывательного отдела КГБ, которые когда-то были не только сослуживцами, но и товарищами.

– Где вы, ребята? – спросил взволнованно Семён.

– Не по телефону, подробности при встрече. На днях ты получишь визу и билет в Штаты. Есть работа. – И в трубке зазвучали короткие гудки.

Глава XXXV

Так Сёма оказался в США. Та работа, которую ему предложили, как бывшему работнику органов, стала для него смыслом всей последующей жизни. Он стал экспертом разведывательной агентуры. Здесь и пригодился его огромный опыт знания специфики этой работы и обширная агентурная сеть.

Казалось, судьба, наконец-то, предоставила Семёну достаток, благополучие детей и внуков, и всегда рядом его Циля. Родители Цили остались жить в Израиле, считая, что в Америке им делать нечего.

Шли годы. Семён Бениаминович давно ушел на заслуженный отдых.

Наступил 1994 год. И почти ритуально было для него посещение маленького открытого кафе на Брайтон Бич с видом на океан. В любое время года и в любую погоду он садился за один и тот же столик, на свое любимое место, раскуривая «Гавану». В шляпе, в красивом дорогом костюме, с тростью в руках, взглядом следил за волнами, которые бились о берег, за полетом чаек, за заходом солнца. Из этих звуков окружающего мира в его душе звучала музыка той первой скрипки, которую подарил ему «батя», и струны которой он впервые тронул смычком. Его мысли часто улетали далеко. И перед ним все снова и снова вставали картины его далекого детства в Богдановке.

Циля была тяжело больна. Она угасала с каждым днем. Семён и дети не отходили от нее.

– Сёма! Дорогой! (Зная, что творится в душе мужа.) Когда ты будешь на Родине, поцелуй ту землю, где я встретилась с тобой. И скажи от меня спасибо той, которая подарила тебе жизнь и тебя мне. Я была самой счастливой с самым прекрасным человеком на свете. Даже тогда, когда ждала тебя, я гордилась тобой. Я очень люблю тебя. Когда я уйду из жизни, держись, не сдавайся. Ты должен жить. У тебя есть дети и внуки, которые любят тебя. Ты сильный и ты нужен им, – еле проговорила Циля.

– Ты всегда была и будешь рядом, любимая, – обняв Цилю, ответил Семён со слезами в глазах, взявшись за сердце. Что-то оно стало напоминать о себе.

Похоронив верную подругу жизни, Семён все чаще и чаще погружался в воспоминания.

«Я скоро буду с вами, и мы наконец-то будем вместе», – думал в эти мгновения Семён. Так сидел он, погруженный в свои мысли.

– Сынок! Мне необходимо попасть в Россию. Я хочу увидеть свое прошлое, мои мысли там, – заявил Семён Тимофею.

– Знаю, папа, ты давно об этом мечтаешь. Завтра займусь визой и билетом, – сказал сочувственно Тимофей.

Глава XXXVI

Семён Бениаминович попал в Богдановку поздней осенью. Многое здесь изменилось. Оставив вещи в гостинице, даже не отдохнув, с нетерпением пошел по станице и знакомым улицам. Здесь он родился, здесь воспитывал его «батя», здесь он вырос, женился, отсюда он ушел на войну и сюда вернулся после войны в пустой дом, где не было уже ни деда Афанасия, ни бати и ни бабы Дарьи, единственных ему близких и родных людей. Здесь он мечтал о встрече с той, которую искал, иногда с завистью, внимательно, исподтишка наблюдая за мамами своих сверстников, мечтая о той нежности и ласке, какую дарили им их мамы.

«Вот здесь я рос и жил», – подошел он к дому и заметил старика, сидящего на лавочке у соседнего дома, где жил его друг детства Василий, с которым они дружили до самого отъезда из Богдановки.

– Вы кого-то ищите? – спросил старик и подошел к незнакомцу.

– Я когда-то жил здесь, – откликнулся пожилой джентльмен.

Старый мужчина, высокого роста внимательно посмотрел незнакомцу в лицо, изучая его:

– Сёмка! Родной! Откуда ты? Не узнаешь? – чуть не прокричал старик, хватая его двумя руками.

– Василий! – радостно произнес Семён, и они крепко обнялись. – Мария! – закричал Василий.

Из калитки выглянула перепуганная женщина.

– Напугал! Орешь, как умалишенный, я думала, что случилось, – проворчала женщина, удивленно смотря на очень красиво одетого старика в шляпе и тростью в руках.

– Конечно, случилось! Посмотри кто здесь! Узнаешь? – взволнованно продолжал Василий.

Внимательно разглядев интеллигентного старика в шляпе и с солидной тростью, произнесла:

– Сёма! – и замерла на месте.

Василий и Сёма росли вместе. Вместе служили. Даже на фронт ушли почти в одно время.

Мария и Василий гуляли на свадьбе Семёна и Цили и провожали их с болью в сердце, когда они уезжали из Богдановки.

– Как Циля? – спросила Мария.

– Нет больше ее, – опустив голову, проговорил Семён.

Немного помолчав, Мария сказала:

– Да что мы на улице болтаем, давайте в дом. А там и поговорим.

Глава XXXVII

– Не могу. Сейчас у меня важное дело. Зайду на обратном пути, обещаю, – сказал Сёма, а мысли его были все там, куда он давно стремился.

– Ждем тебя, – сказал Василий и долго смотрел вслед другу, который медленно, слегка опираясь на трость, шел туда, куда вела его память.

Он оказался у заветного камня. Разросшееся дерево все так же перешептывалось с тем же камнем, уже почти целиком вросшим в землю. Подойдя к памятнику, заросшему травой, Семён взглянул на фотографию.

«Бедная ты моя, осталась здесь одна», – вытащив платок из кармана, он протер фотографию от пыли. Поправив рамку, наклонившуюся набок, произнес:

– Вот теперь я с тобой. Прости меня, что оставил тебя здесь одну. Наконец-то мы вместе. И Циля просила поблагодарить тебя за твоего сына, которому ты подарила жизнь и с кем она была счастлива. А я искал тебя очень долго, но нашел здесь. Даже когда я не знал, где ты, ты всегда была со мной, я мечтал о тебе, – проговорил Семён, слезы появились на его глазах. Здесь, у этого холмика, прошло его детство, но кто там, он узнал уже взрослым юношей.

Ветер раскачивал ветви огромного старого дерева. Опершись на солидную, старинную трость, он прислонился к кам-

ню. Затем присел на краешек другого небольшого камня, который был когда-то скамейкой, склонил совершенно седую голову на скрепленные руки, прикрыл глаза и глубоко задумался.

Глава XXXVIII

Или это не сон, может, это действительно было.
Или сердце мое горе вдруг в этот миг ослепило,
Я лежал на земле, и глаза мои в землю текли.
Е. Амирамов

Так сидел он задумавшись.

От неожиданного удара в спину Семён обернулся и получил второй удар по голове.

За спиной стоял одноглазый старик с палкой в руках.

– Ну, здорово, Семён «Степанович» или как тебя там, «ениаминович». Что, не узнаешь? Вся станица знает о твоем появлении. Я знал, что найду тебя именно здесь, – прошипел, как змея, одноглазый.

Бывший особист узнал давнего подопечного – призрак из прошлого, который преследовал его повсюду.

Ничего не ответив, Семён вновь опустил голову на скрепленные руки, ощущая на лбу небольшую рану. Старческая рука не могла нанести сильного удара. Большое, крепкое, закаленное тело военного не особо ощутило этих ударов.

Что-то еще говорил старик, опираясь на палку, со злостью и шипением. Поняв, что все это бесполезно, что его слова и действия никто не видит и не слышит, призрак из прошлого задумался.

Говорить и действовать дальше было бесполезно.

Мысли Семёна, которые сильно волнуют его сердце и душу, далеки. Еще немного постояв, проклиная человека, из-за которого он остался калекой на всю жизнь, старик, опираясь на палку, ушел.

Голова Семёна лежала также на скрепленных руках.

Перед мысленным взором нескончаемой вереницей проходили картины его жизни, последние страдания судьбы.

Что-то защемило сердце. Освободив узел на галстуке, он потянул за воротник рубашки, от которой отлетела верхняя пуговица, и стал жадно глотать воздух, медленно сползая на землю рядом со старенькой оградой и скромной могилкой, еле заметной на земле. Сильно жгло в груди.

Грянул гром, засверкала молния. В ее отражении он увидел черный силуэт спины уходящего человека, опирающегося на палку, ворчащего себе под нос:

«Ничего, скоро мы все окажемся перед Всевышним. Я посланник из ада. На суде скажу, что ты сделал со мной и еще со многими другими. Скоро окажешься перед судом».

Пошел ливень. В пелене дождя на месте исчезающего старика показалось хрупкое, как былинка, создание, направлявшееся к нему:

«Неужели ангел?» – подумал Семён.

В приблизившемся к нему образе Семён увидел знакомые черты, будто сошедшие с фотографии. Это нежное, юное создание опустилось перед ним, обняв его большую седую голову, положив себе на колени, проведя нежно рукой по маленькой ране.

– Мама… – радостно, с удивлением, произнес Семён.

– Сынок… – будто ответила она, как бы оправдываясь.

– Мама… – нежно, но с укором, почему она оставила его, якобы произнес сын.

– Сынок… – будто хочет сказать она, – так уж случилось.

– Где ты была? Я искал тебя всю жизнь, – шепчет сын.

– Сынок, не бойся, мы больше с тобой не расстанемся, мы вместе будем вечно.

Несмотря на то что их уста молчали, а губы были сомкнуты, между ними шла немая беседа. Это была иллюзия разрывающегося сердца, долгожданный диалог, о котором мечтал Семён всю свою жизнь.

– Ма-моч-ка!!! – первый и последний раз в жизни прохрипел Семён.

Сердце не выдержало такого напряжения, последний проблеск расскаивания и прощания с тяжелой жизнью блеснул

в его глазах. В это мгновение тело Семёна, как тяжесть, сами грехи и поступки, упало в грязную лужу от дождя и расползлось в ней, отделяя душу от плоти. И над ней обнажилась первозданная чистота его души в образе младенца, который остался на руках у матери, в котором Семён узнал себя. Крепко прижав его к груди, она скрылась с ним в вечность.

Наконец душа его обрела покой…

На мертвом лице старика, прошедшего суровую жизнь, была улыбка счастья и блаженства, как у спящего младенца на руках матери. Ведь его мама, о которой он мечтал всю жизнь, наконец, навеки с ним.

Все так же шел дождь, омывая и оплакивая тело, лежащее рядом со скромной могилой.

А Василий созвал чуть ли не всю станицу, долго и с обидой сидел за столом с гостями в ожидании дорогого и близкого друга, чтобы с почестями принять его. А душа дорогого друга была рядом с ними, наблюдая за всеми, но никто этого не видел и даже не догадывался…

Такова была судьба Якова-Семёна, еврея-казака из Богдановки.

Вместо послесловия

Я Галина. Хочу выказать свое настроение. Понимаю, что мы с моим дорогим братом описываем лес событий, а я хочу, чтобы мое настроение сегодня задержалось, как росинка, дрожащая на листке. Наконец кончила писать повесть, с которой так сроднилась. Как ребенок радуюсь этому снегу за окном. Он такой красивый! Что вы задумали, пусть сбудется! Так хочет моя душа. Ей сегодня тепло, хотя за окном мороз. А эти хлопья… Они так плавно опускаются с неба на землю, цепляясь друг за друга, чтобы не потеряться. Нежно прикасаясь щечками, ложатся рядышком, сверкая под лучиком солнышка, образуя белоснежную перину. Передо мной моя мамочка. Она взбивает перину и застилает ее простынею, белоснежной и накрахмаленной, как хруст снега, который я слышу за окном. В моей душе теплится надежда, что все мы будем рядом, по воле судьбы разбросанные по свету. Знаю, мы никогда не потеряемся. Наши корни глубоко сплетены. И мы не можем друг без друга.

Сколько в моей душе? Если раскрыть ее, то, наверно, весь мир покажется маленьким островком, и то где-то на расстоянии.

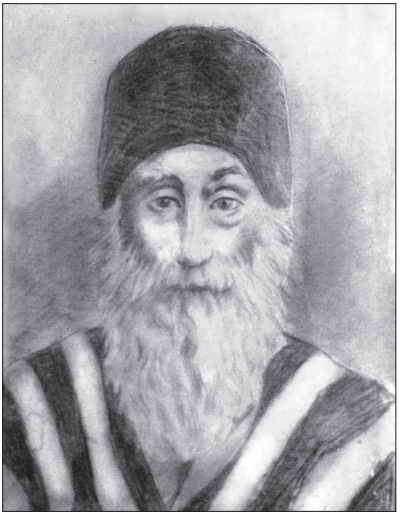
Иногда она пуста. И я не знаю ее, и есть ли она у меня? То она плачет, то смеется. Так создан человек. Ведь мы заряжаем себя сами. Ищем в глубине души самое сладкое, чем мы жили, чему радовались и были слишком счастливы. Скромная улыбка появляется у нас на губах, а глаза, которые наполовину прикрывают веки, открываются широко, с маленькой искоркой, с надеждой на счастье и на любовь. Надеемся и ждем чего-то неземного, независимо от того, сколько нам лет.

Ведь душа не знает старости. Даже когда кончается жизнь, душа живет за нас и с нами. Берегите свою душу. Не засоряйте

ее всякой ерундой. Уважайте ее. Ведь она бесценна. Она вечна. Значит, мы тоже вечны.

Может, это покажется кому-то и смешным, но это был сегодня маленький крик моей души. Но ведь всегда хочется, чтобы реальность соответствовала фантазии.

Ваша Галина М.



Портрет Нисона Давыдова, прадеда авторов книги – Галины Мелиховой и Ефрема Амирамова. Вторая половина XIX в.

Алик Амирамов, брат (по отцу) авторов книги, убиенный в Богдановке в 1942 году

Галина Мелихова, Григорий Амирамов и Лариса Мелихова. 1980-е гг.

Григорий Амирамов, балетмейстер и директор Карачаевского государственного ансамбля песни и пляски. 1940-е гг.

Ребе говорил:
«…Небо – это не место, куда вы идете.
Это нечто такое, что вы несете с собой…»

Ефрем Амирамов

Избранные стихи

У ОБЕЛИСКА

Памяти четырехсот семидесяти двух горских евреев, погребенных заживо в одном колодце в селе Богдановка Ставропольского края в августе 1942 года, среди которых были моя бабушка Истир, папина мама, и мой брат Алик семи лет
посвящаю

I

472…
Кого расстреляли…
Кого живыми зарыли…
Вот холм,
На холме трава
И ветер в объятиях пыли…

472…
Старики,
Женщины,
Дети…
Жизнь, ведь ты не права,
Когда уступаешь смерти
Пламень живых сердец…
Веру дышащей плоти…
Смерть…
И всему конец…
Люди, как можно?
Я против!
Мне больно…
Мне страшно…
Верь!

Смерть…
Она далеко и близко…
В них горела жизнь,
а теперь
Над ними гранит
обелиска.
Бездушный гранит,
как те,
Кто мог допустить такое…
Горит звезда в пустоте,
Нет на земле покоя…
Если есть покой,
То для тех,
Кто не ведает смеха…
и слез…
Что такое слезы и смех?
Лишь туман уходящих грёз!

Только бьются о жизнь
слова,
Как любовь о бездушье
дряни …
472…
На мне,
На мне – ваши раны.

II

Задохнулась луна в облаках…
Лишь одна звезда,
как слеза…
Хочет рассеять страх.
Ночь вытирает глаза
Платком, что из облака
Сшит…
я слышу…
я слышу…
я слышу…

Брат со мной говорит…
Он говорит,
Что он
Был живым погребен.

III

Я не видел тебя,
Мой брат,
Нас война разделила
смертью…
Я знаю, ты не был солдат…
Ты был пацаном
семилетним.

Тебе и сейчас семь лет,
Но даже через столетье
Ты не постареешь,
Нет.
Ты спасен от старости
смертью…
Ты не ведал любви огня,
Ее ведь с тобой убили…
Умоляю,
Прости меня…
Я тебя не забыл!
Мы вас не забыли!

IV

Смерть ожидала их
Там,
за селом,
у колодца.
Даже ветер утих,
Услышав, как смерть
Смеется.
Смерть…

Смерть…
Смерть…
Война так распорядилась,
Что вы должны умереть…
Жестокая несправедливость…

Упала на грудь голова…
А люди так жить хотели…
472…
Песню жизни своей
не спели…
Ветер терзал поля,
Выл, обезумев от горя,
Он видел, как дышит
земля…
Дышала земля,
А не море.

V

Соль слезы воспаляет
раны,
Что времени
неподвластны.
Стоят на земле курганы…
Безмолвны…
Бездушны…
Бесстрастны…
Курганы скрывают кости,
Обглоданные червями.
Мы редко к ним ходим
в гости
И омываем слезами.

Мы боимся…
Боимся тревожить
Тот покой, что они
не желали.

Мы боимся,
Боимся тревожить
Своей болью
Холмы печали.

VI

Смерть уносит и этот век.
Он, как все,
Историей станет…
Шар земной не замедлит бег…
Пуля ржавая снова ранит
Наши души,
Вонзаясь в память,
Ветром скорби нас обжигая.
А жизнь наша тает,
Тает,
В беспредельную ночь
убегая…

1977

СТИХИ О РОДИНЕ

Сион – Отчизна каждого еврея!
Израиль мой, Тебя ль не воспою?
Все мысли там…
Но здесь я душу грею
И так Россию-мамочку люблю…

С себя запреты этики снимаю,
Чтоб высказать всех ощущений рой…
Я только здесь, в России, понимаю,
Чему учусь в Израиле порой…
Я здесь люблю…
Там познаю я женщин…
Я здесь живу…
Там думаю: зачем?..
Я там молюсь…
А здесь я грешен чем,
И в чём таком бессовестном замешан?..

И чтобы мне в ответ не голосили,
Я повторю, наверно, в сотый раз:
Не кто-нибудь, а гордый сын России
Меня родил – седой герой – Кавказ!

Не где-нибудь, а только здесь, в России,
Такой простор любому кораблю…
Не где-нибудь, а только здесь, в России,
Живет она, кого я так люблю!

2005

ПАПЕ

Я…
Ночью…
Обескровленный судьбою,
Неслышно рассуждаю сам с собою…
Иль это кто-то, жизнь мою храня,
Меня сейчас спасает от меня…

И тот, кто жить меня пока заставил,
Мне для беседы с Ним тебя отправил…

Да, это Ты, кем я на свет рожден,
Потомок тех, кто угнан в Вавилон…
Чьи праотцы, затеяв долгий труд,
Подарком миру вынесли Талмуд…

Кто строит, кто ворует, пьет иль судит…
А ветер вечности листает книгу судеб…
Пусть время вырвало твой лист когтистой лапой…
Ты, как и был для нас для всех, остался папой…

Кое-что я понял, наконец…
Если ж Вам меня понять захочется,
Вспомните, каким был мой отец…
Главное во мне – не я,
а Отчество!..

МАМЕ

Душа моя снова грустит
По старенькой маме…
А сердце живет и стучит…
Но это звучит,
Как камень о камень…

Ах, мамочка, нам ни к чему
Чужое участье…
Жизнь встречей разрушит тюрьмы
Вечную тьму,
И вот оно – Счастье…
……
Счастье нам сияло лишь в мгновеньях…
Жизнь нас все же чаще колотила…
Я давно стоял бы на коленях…
Просто в детстве мама запретила…
……
Всё то, что казалось нетленным,
Гниет, не спеша…
И в мусорной яме вселенной
Пропала душа…

Ах, мама, вся жизнь – ломка линий,
Осколки святынь…
А глас, вопиющий в пустыне,
Сегодня – твой сын…

Ах, мама, когда бы ты знала,
К чему я готов?..
Что пело, во мне замолчало…
Не верю в любовь…
А ты же, родная, венчала
Любовью людей…
Так значит святое начало
У жизни моей…

1977–2002

Мой псалом

Мысли разрушат мой покой…
Знать желаю, кто же я такой?..
Неужели всё напрасно,
Или всё же кто-то властно
В жизнь привел меня своей рукой?

Перестану глупости молоть.
Я же знаю!..
Надо мной Господь!
Значит, в споре с малым веком
Жить останусь человеком…
Лишь бы не сдала скупая плоть…

Жаден я до денег и утех…
А гордыня требует успех…
Если это не разрушу,
То мою больную душу
Ласково и пьяно примет грех.

Душит жабы мертвая петля…
Вечности Вселенной жаждет тля…
Знаю, всё поймет Всевышний…
И, надеюсь, я не лишний
На великом верстаке Царя…

Лишь Господь – оплот и Властелин!
И моя надежда – Он один!
Кто в своем великодушье
Все прощает наши души,
Даже те, что выел героин…

Чувства тают в вечности рекой…
И в тоске по доброте людской

Знаю, в жизни всё, как надо,
Даже все засады ада,
Чтобы понял я, кто я такой.

Пресыщаясь пищей бытия
И устав от горького питья,
Может, не совсем, некстати,
Вдруг спою для райской знати
В хоре, что Его восславит, я.

Потому что Он меня простил!..
И надеждой душу навестил!..
Понял Он , что я – тот самый:
И по папе, и по маме,
И по жизни бегать отпустил…

Мой псалом совсем не одинок…
Кто нас всех спасет, когда не Б-г?
И, конечно, Аллилуйя!
Для Царя Царей пою я,
В этой песне вылив свой восторг!

2002

ЗВЕЗДЫ

I

Некуда сесть…
Нечего есть…
А хочется посидеть и покушать…
Хочется спать…
Хочется ждать
Чего-то хорошего.
Или слушать…
Слушать дожди…
Слушать цветы…
Слушать тебя и скитаться по свету.
Что говорить…
Хочется жить…
Хочется счастье доверить билету…
Хочется петь…
Хочется смерть
Вечно держать на большом расстоянии…
Только мечта,
Словно звезда,
Вечно горит, но и вечно в изгнании…

II

Хочется вырастить сад
Из вдохновенья…
Быстро пройти этот ад –
Ад невезенья…
Я вижу, осень цветет красками лета…
Слышу, как ветер поет ночью о свете…
И убегает волна
В ночь по лунным озерам…
А голубая страна

Смотрит в мир черным взором…
Я смотрю в то окно,
Где так громко смеются…
Но они всё равно
Под рассвет разбредутся…
Мне ж уже не помочь,
Смысла в жизни не надо…
Ведь в душе моей ночь,
Но без звездного сада…

III

Мы видим звезду
В небе черном и синем…
Но в этом аду
Мы звезды не достигнем…
Но когда пролетят
Годы, словно опилки,
Звезды вдруг заблестят
На столе у бутылки…
Ты и счастлив, и нет,
Ты смеешься от горя…
Звезды рядом, но свет
Их не радует взора…
Звезды рядом, но ты
Не привык улыбаться…
Что звезда без мечты?
Или юность без счастья?..

IV

И душу окунув во мрак,
Мы мерзнем в одинокой боли…
Всё в жизни – так…
Всё просто – так…
И жизнь, и смерть по чьей-то воле…
Зачем…
Осенний ясный день,

Такси, спешащие куда-то,
Пустая площадь или тень
Ко сну ушедшего заката…
Зачем…
Спустившийся туман,
Что в никуда увел дороги?..
Зачем…
И правда, и обман,
И жизнь, и слезы, и тревоги?..
Зачем…
И медный лист дрожит,
К земле прикованный дождями…
И одинокий не спешит…
К кому?
Ведь мир окутан снами…
Зачем…
Любви ушедший миг –
Кому – конец…
Кому – начало…
Зачем…
Никто не видит лик
Звезд, нам сияющих устало?..
А это лишь осколки дня
На небе звездами сияют,
Но нет тепла от их огня…
Во мраке все тепло теряют…

1982

И НИКАКИХ «НО»...

И ко мне приходит понимание...
Я, наверно, сам тому виной,
Что венец еврейского страдания
Прочно укрепился надо мной.
...
Да... Я, конечно, виноват,
Как виноват любой бездельник...
Что вся неделя, как шаббат,
А сам шаббат, как понедельник...
...
Решил Всевышний, чтоб собрать народы,
Евреев словно воду в мир разлить,
Вода на пыль разбитые породы
Сумеет в монолит соединить...
...
Вспоминаю мир, где жил когда-то...
До смешного просто было в нём...
Человеку человек был братом...
Первый встречный – другом и царем...

Только так смотрели друг на друга,
Только так делили хлеб и кров,
И любовь не ведала испуга,
Не служила рифмой к слову «кровь»...

Там никто не мог сказать другому,
Что он должен делать и когда...
Все дороги приводили к дому...
Все родными были города...

Люди всех цветов, воззрений, касты,
Всех земель, что в жизнь их привели,

Все несли Любовь как символ Счастья
И купались в Счастье и в Любви…

Не боюсь ни палачей, ни судей,
Хоть и не во всём был прав и чист.
Но…
Я нуждаюсь в Вашем счастье, Люди,
Как простой нормальный эгоист…

Ведь когда любое счастье рядом,
То оно ко мне приходит вдруг…
То улыбкой, то влюбленным взглядом,
То простым прикосновением рук…

Вопреки ошибкам и помаркам,
В каждой жизни столько и всего…
Но…
Кто назвать посмеет не подарком
Мир существованья своего…

И, скитаясь по родной планете,
Или пешим, или на коне,
Я желаю счастья всем на свете,
Потому что это нужно мне…

ЯШЕ, ЖЕНЕ, ЛАРИСЕ, ГАЛИНЕ, ИННЕ

Брату моему и сестренкам

Рассыпается вновь настроение,
Обнимая весь шарик земной,
Где любимых сердечек биение,
С дальней дали, услышаны мной…

Как сестрички мои с моим братиком
Говорят: «Ту эжей, Эфраим?.. »
Обо мне, о седом, как о маленьком,
Беспокоятся…
Счастья ВСЕМ ИМ!!!

Я, ваш брат, эгоист безответственный…
С мозгом овна, с претензией льва…
Как и раньше, счастливый и бедственный…
И лысеет моя голова…
…
Скажу Тебе, мой старший брат…
Мне грустно, Яша…
Что Твой, и мой, и Рай, и ад
Не стали наши…
Через моря и сто границ
Швырнув куда-то,
Мы в гуще незнакомых лиц,
Без лика брата…

Я о любви всё время пел,
И даже страсти…
Я быть источником хотел
Чужого счастья…
И пусть за то, что спел, как жил,

Пришла расплата…
Я помнил и всегда любил
Сестер и брата…

И Ты прости, и пусть простят
Меня сестренки,
Что дни свои я завершаю одиноким,
Не видя вас, не слыша вас,
И вот «награда»…
Неужто Вас в мой смертный час
Не будет рядом…
Но знаю я, как любят дядю
Ваши дети,
И потому мне легче жить
На белом свете,
Пусть далеко, где не достать
Друг друга взглядом…
Хочу, чтоб знали Вы, Ваш брат
И дядя рядом!
…
Не всё на свете время лечит…
Есть, что со временем больнее…
И пусть не часты наши встречи,
Но от того они важнее…

БРАТЬЯМ ЕВРЕЯМ

Друг другу так нужны
Потомки Авраама!
Но, всё рассеяв,
От восторга до испуга,
Молитва у стены
Разрушенного Храма –
Судьба евреев,
Так не любящих друг друга…
……
Нелюбовь к собратьям – наша плаха…
И, конечно, в главном прав Творец,
Собирая нас петлею страха,
Как упрямых и тупых овец…

Кто посмел разрушить наше братство?
Разве с прошлым оборвалась нить?
Боже, неужели только рабство
Может нас опять соединить?

ПИСЬМО НИ К КОМУ

Однажды я услышал честный смех
Над сочетаньем слов: «Все люди – братья…»
С тех пор, боясь почти и всё и всех,
Душа щенком таится под кроватью…
……
Жестокая ирония судьбы,
Играя жизнью, что не бросишь на кон?..
Россию воля ставит на дыбы,
А негодяям кажется, что раком…
Так что ж, проживший жизнь, я так дрожу,
Не в состоянье справиться с тревогой…
Я трусом становлюсь и ухожу,
И Родина становится дорогой…
……
Себя ли слушать или стариков,
Священников ли…
Всё сомненье душит…
Россия – Храм Всех Вер от Всех Веков…
Но есть и те, кто стены Храма рушит…

Кому-то не дает покой Алтарь,
Что помнит кровь всех жертв от всех народов…
Но, зная, что творит, скрывает тварь
Свой мерзкий лик, в густом лесу уродов…
……
Конечно, знаю…
Я – плохой пример…
(Но не в плеяде ж полных идиотов…)
Поэт – философ самых низших сфер,
Я опасаюсь глупой мысли взлетов…
Зачем я это всё сейчас пишу?..
Не знаю, для кого и что готовлю…
Как будто камни для стены ношу,
А после – просто застилаю кровлю…

Что ты прочтешь, мой незнакомый друг,
В моем письме, что я пишу веками?
В котором я то прячу свой испуг,
То в злобе разрываю мрак клыками…

В котором каждый день, как новый лист…
И хоть его порою мнет беспечность,
Он всё равно прозрачен, значит чист,
Чернилом дел нетронутая вечность…
Что ты прочтешь в простом соцветье слов,
Где редко светит краска от улыбки,
Где всё несвязно, как обрывки снов,
А искренность опять вершит ошибки?..
……
(Я ненавижу слово «ремесло»…
Мой ум – случайно выживший заложник.
Я – просто кисть…
Наверно, повезло…
Сегодня мною красит мир Художник…)
Да, я тот плод, что Он вкушает…
Сомнения оставь…
Та кожа, чем Он ощущает
Своих желаний явь…
……
Как жаль, что я приду к Вам после смерти
Со всей своею болью и мольбой,
Потерянным письмом в глухом конверте,
С давным-давно законченной судьбой…

Но где-то с головой зарывшись в думы
И видя явь отточенных ножей,
Я помогу печальным и угрюмым
Вдруг ощутить реальность миражей …

ЗАЧЕМ?

Прожарив тело над кострами ада,
В последний день убитый черт те чем,
Не буду петь о том, как жить мне надо,
Потрачу песню на вопрос: зачем?

Ищу ответы на свои вопросы…
А если не на все, хоть на один…
Но здесь значения не имеют дозы…
Желаю знать: я раб иль господин?

Кто? Исполнитель я или художник?
Судьба – предназначенье или нет?
Я беспредельник или осторожник?
«Едящий» жизнь иль сам ее обед?

Не буду от себя всё время бегать…
Себе уже давно я разрешил
Забыть про то, что завтра буду делать…
Зачем же помнить то, что совершил?

Не то чтоб я от жизни укрывался
Иль за нее цеплялся, словно спрут…
Я прав лишь в том, что черному не сдался,
Хоть и не знаю, как его зовут…

Живу по-разному: то выпью, то икаю,
Куда-то в прошлое забросив свой покой…
Есть люди, у кого судьба – такая…
А почему-то у меня судьба – такой…

Кто жрет свое сегодня с груды свалок
Мировоззрений трезвых, но чужих,
Тот, как еврей крещеный, так же жалок,
Шумлив для «знатоков», для мысли ж тих…

Пусть Вера в Высший смысл неистребима,
Но как надежда ни была б крепка,
Раз наша смерть пока непобедима,
То, значит, жизнь бессмысленна… пока…

Я, уставая от дневного бега,
Назойливо обдумывал ночами,
В чем заключен предел для человека…
И догадался – наш предел – мы сами…

И глубоко, почти до бессознанья,
Понятна мне магическая сила
Любви, что для спасенья мирозданья
И веру, и надежду в жизнь вносила…

Но суета, что в песне Соломона, –
Не суета, а вечное движенье!
Чтоб это осознать, не надо трона…
Достаточно к творенью уваженье.

Не спорю, каждый в чем-то одинок…
Все не всегда изысканны и строги…
Но истина опять у наших ног
Лежать осталась пылью на дороге…
……
Преодолев упорную сонливость,
Я осознал в болезненном исканье,
Что вера в Б-га –
Вера в Справедливость,
Что не приемлет лжи и подаянья…

И Эту Высшую Надежду сохраняя,
И возведя ее к вершинам Веры,
Любовь уже, конечно, неземная,
Спасет меня от страшных лап химеры…

И пусть я жизнь свою грехами мерю,
Но не затмит мне мысль сомнений груда…
Я смею утверждать о том, что верю…
Я с детства верил в Справедливость Чуда!

НОВЫЙ ПСАЛОМ

Когда Всевышний создавал людей,
Стремясь себя прочувствовать касаньем,
Он строил на фундаменте идей
Всё то, что мы назвали мирозданьем.

Он словно пыль рассеял все миры,
Чтоб через них вкушать и мед, и соли…
Мы ж, правил и сценария игры
Не зная, сами выбираем роли…

Мне кажется, молитва – это жизнь,
Чужой не повторишь…
живешь свою…
И я Творца Любви за этот приз
Своею новой песней воспою!

Моей души возвышенный исток
Еще напоминает чистый лист…
Есть, правда, и естественный порок,
Я просто рядовой эгоцентрист…

Не буду повторять чужих молитв,
Чужие просьбы вторить не хочу…
Прожарившись в огне любви и битв,
Свои молитвы с трепетом шепчу…

Ну, разве до меня мог кто-то знать,
Какая с Ним соединит нас нить,
О чём Ему мне хочется сказать,
Покаяться, поплакать и молить?

Ведь я, как все, когда терял Его,
«…Подобен был сходящему в могилу…»,

Но новой песней сердца моего,
Услышанным, вновь обретаю силу…

Кого нельзя в гордыне упрекнуть?
Возможно даже всё грехом назвать…
Но я хотел бы так пройти свой путь,
Чтоб первым встречным счастье раздавать…

Я не владею тем, что создаю
И взращиваю в поте и в труде…
Так, Слова Б-гу, значит отдаю,
А не беру, хоть что-то, кое-где…

Но осознав ошибки прошлых дней,
Над прожитым своим поплакав веком.
Теперь я, даже там, где нет людей,
Попробую остаться человеком…

Кто-то скажет –шучу…
Кто-то скажет – торчу…
Всё равно всех люблю и не каюсь…
Что хочу, то мочу…
…жаль, что редко молчу…
Но любви своей верным останусь…

Что бы ни натворил –
Не держал в сердце зла…
Перед всеми хочу повиниться…
Но…
о чём говорить,
Если жизнь так прошла,
Что последнего нет, поделиться…

ЕВР.РЭП

Во вселенной столько тайн разлито,
Мне бы угадать один каприз:
Ведь дорога вверх для всех открыта,
Почему намного легче вниз?

Ягненком мирным будь или бодливым,
Не остановишь жизни колесо.
Но может сделать каждого счастливым
Тот мир, где есть любовь, а значит – всё…

Признаюсь сразу:
я один из овнов,
Кто от отары норовит отбиться.
Кто, не заметив ни волков, ни тронов,
Пред ними ж блюдом может очутиться.

Хотел всё сразу, и еще, быстрее.
Пел о любви для всех и повсеместно.
Пытался сохранить в себе еврея,
И потому был вынужден жить честно.

Был всеядным. Вырос, стал брезгливым,
Но уверен в том, что говорил:
Только тот достоин быть счастливым,
Кто другим несчастья не дарил.

Жизнь прошла, как подготовка к смерти…
Но, конкретно, в пятьдесят пять лет,
Знаю точно я, что годы эти
Больше – счастье, нежели чем нет…

Изгрызенным ногтем скребу по ране…
Рву старые стихи свои и страхи…

Со мной, с евреем,
христиане, мусульмане:
Балкарцы, нарты, осетины, дагестанцы,
Татары, русские, сибиряки, вайнахи…

Возможно, кровь пророка Авраама,
Текущая в Исмейле и в Ицхаке,
(Как женская бы ни была б упряма)
Не позволяет бросить брата в драке…

Всесилен тот, кто нас соединяет
В Раю Любви, низвергнув зло в пасть ада…
А там, где люди людям счастье дарят,
Ни воровать, ни воевать не надо.

Как не назвать такое Райским садом,
Когда весь мир тебя безумно любит.
И мой бирор-джуъур, конечно, рядом,
Во мне то совесть, то мечту разбудит…

Кто знает Б-га,
Поймет всё сразу,
Чьи души не съел сатан;
Тем надо не много,
Забыть заразу:
Вражду, наркотик, стакан …
Б-г выветрит хмель
И очистит вену,
Братству воздвигнет сад.
- ШМА ИСРАЭЛЬ:
АДОНАЙ ЭЛОhЕЙНУ,
АДОНАЙ ЭХАД!

Мой Б-г

Мой Б-г, меня благослови,
Чтоб я сумел таким остаться,
Какой я есть…
Огню любви
Не дай на искорки распасться…

Пусть все смеются надо мной…
Мне не дают покоя грёзы…
Мне не найти души родной
В толпе, где смех рождают слезы…

Мой Б-г, душа стремится к той,
Кто может просто оказаться
Пустой несбыточной мечтой,
Но с ней так тяжело расстаться…

Ведь я не Херувим совсем…
Тогда зачем жизнь крылья дарит?
Чтобы летел дурак Ефрем
К той, кто потом его обманет?

Я знаю всё, но я лечу…
И пусть мне суждено разбиться,
Мой Б-г, прости, что я кричу,
Дай силы мне не измениться.

Я – раб скитаний и любви,
И враг любых благополучий…
Прошу, меня благослови
И жизнь мою не делай лучше…

Чтобы нажравшись досыта
И развалившись на диване,

Не забывал, что есть мечта,
Любовь и смерть, цветы и раны.

Я не могу и не хочу
Менять на ум безумства рожу.
Я раны плоти залечу,
Изменой душу не встревожу.

Я не набью в утробу хлеб,
Что лишь навозом удобряли…
И пусть я добровольно слеп,
Найдешь счастливее едва ли…

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ДАВИДОВА МАРИКА ПОСВЯЩАЮ

Серой жизни тридцать три года
Словно миг прошли… и теперь…
Из мира тепла в мир холода
И ночи открыта дверь…

Кто виновен в том, что случилось?..
И зачем, и куда спешить?..
Может, сердце о жизнь разбилось,
Мечтавшее долго жить?..

Зная жизнь и ее законы,
Понимал я тебя до слез…
Чтоб не слышать людские стоны,
Ты бежал в мир смертельных грёз…

Ты бежал… задыхался… падал…
Вновь вставал из последних сил…
Страшный темп своей жизни задал…
Не как все, но ты жил… ты жил…

Ты за миг непонятной страсти
Отдавал жизни много лет.
Может, это и было счастье,
Которого больше нет.

ПОЧТИ МОЛИТВА

Нет… Нам традиций не нарушить,
Кто б этого как ни хотел…
Мы возвращаем Б-гу души,
Уставшие от грязи тел…

1

Избавившись от бытовых оков,
Я вдруг осознал судьбу…
Поиск счастья – это поиск очков,
Что у тебя на лбу…

Ходишь и ищешь, как Моисей…
Скитаний не перечесть…
Нет их нигде во вселенной всей…
А за голову взялся – есть…

Не поможет ни тюрьма, ни ОВИР
Свободу понять нам, брат…
Мы сами с тобой создаем тот мир,
Который – то рай, то ад…

2

Понял вдруг, без чужого участья,
Если коротко и без прикрас,
Что обычные поиски счастья
Несчастливыми делают нас…

Что мама однажды сказала мне,
Сейчас всем сказать посмею:
Сын, не ищи драгоценность на стороне,
А сам становись ею…

Если в мире, где ты, лишь мрак
И вечно холодное лето…
Значит, ты, сынок, его греешь так,
И не излучаешь света …

Когда обманул самого себя,
А значит всех тех, кто верил,
По частице, совесть на пыль дробя,
Я по жизни ее развеял…

Но слава Б-гу, осталась честь,
И кто спас тогда, в миг расплаты…
Я жив пока… значит, время есть,
Чтоб стать светом, теплом и правдой!

Отныне лишь этим жить буду я…
Оставлю печаль и унынье…
Только Ты не оставь меня,
Запретившая петь свое имя…

СОДЕРЖАНИЕ

Галина Мелихова. Жид, или Кубанский псалом 3

Ефрем Амирамов. Избранные стихи 67
У обелиска 68
Стихи о Родине 73
Папе 74
Маме 75
Мой псалом 76
Звезды..... 78
И никаких «но»..... 81
Яше, Жене, Ларисе, Галине, Инне 83
Братьям евреям..... 85
Письмо ни к кому..... 86
Зачем?..... 88
Новый псалом 90
Евр.Рэп..... 92
Мой Б-г 94
Светлой памяти Давидова Марика посвящаю ... 96
Почти молитва 97

Литературно-художественное издание

Мелихова Галина

ЖИД, ИЛИ КУБАНСКИЙ ПСАЛОМ

Амирамов Ефрем

ИЗБРАННЫЕ СТИХИ

16+

Заведующий редакцией
В. Н. Котляров

Лицензия ИД № 00003 от 27.08.99 г.

ISBN 978-5-93681-188-3

Сдано в набор 15.10.19. Подписано в печать 28.12.19.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура PT Serif.
Усл. печ. л. 5,81. Тираж 300 экз.

Издательство М. и В. Котляровых
360000, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19
Тел./факс: (8662) 42-62-09
e-mail: elbrus@mail.ru www.elbruss. ru